

КСЕНИЯ ХАН

ТЕНЬ
БЕЛОГО ТИГРА

Охотники за мирами

Ксения Хан

Тень Белого Тигра

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хан К.

Тень Белого Тигра / К. Хан — «Эксмо», 2023 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-196913-4

Нагиль и Йонг вновь вынуждены расстаться: ему нужно спасти своё войско, ей – вернуть расположение молодого короля и его советников. Йонг приходит на помощь тот, кто не раз предавал её, и, лишённая силы имуги, Йонг не знает, может ли доверять ему. Молодой король Чосона пытается вести свою игру против Совета, а Нагиль ищет помощи у коварной Империи. Ведь Драконы больше не говорят с ним. Великие Звери слабеют, пока люди обретаю́т силу. Сбывается пророчество: Сон Йонг получит могущество и убьёт Наги́ля или же сможет изменить судьбу? Завершение эпичной трилогии о людях и Драконах, в которой корейские мифы и история сплелись с авторским миром Ксении Хан. Детальная работа Ксении Хан с культурой поможет каждому читателю в полной мере насладиться романом, независимо от уровня знакомства с Кореей и её традициями. Путь героев сложен и полон преград, враги наступают со всех сторон, но в сердцах горят отвага и решимость. Именно сейчас решается судьба не-Чосона, и Наги́лю с Йо́нг придется принять непростое решение. Вокруг враги, но есть и союзники. Кому можно доверять, а кому – нет? Когда твоя родина в опасности и каждый день сулит новые невзгоды, сохранить любовь непросто. И особенно страшно ее потерять... Непростой выбор между долгом и чувствами, которым судьба едва дала раскрыться. Чем же закончится история Наги́ля и Йо́нг? Цикл Ксении Хан написан в лучших традициях исторических корейских дорам!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196913-4

© Хан К., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Действующие лица	7
Отсутствие предела	9
Союзники Змея	12
1	12
2	21
3	31
Великий предел	36
4	36
5	42
6	48
Следы на снегу	54
7	54
8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ксения Хан

Тень Белого Тигра

© Ксения Хан, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Проза Ксюши – это про боль, слёзы, потери и страх за героев. Но ещё её проза про сильных женщин; мужчин, после которых повышаются стандарты, и про эйфорию от каждого сюжетного поворота. Я завидую тем, кто ещё не познакомился с этой трилогией. Про такие книги говорят: «Сотрите мне память, чтобы я могла перечитать этот шедевр».

Сия, автор канала @lowselhome

Освежающий запах солёных волн, удушающий дым и гарь от сожжённых домов, чувство тоски по тому, что ещё не произошло, но уже неизбежно. Герои, чьи судьбы находятся в руках Судьбы, что с каждой страницей сжимает их в кулаки всё крепче и крепче, не щадя мои чувства и душу. «Тень Белого Тигра» не книга. Это стрела, которая вонзилась в моё сердце.

Вика Ли, автор канала @itsbooklee

«Тень белого тигра» покажет вам настоящую войну и стратегию, что может совершить невозможное. Конфликты и старые раны ударят по героям, а юмор иноземцев и характер молодого короля разрядят атмосферу. Ксюша построила настоящие эмоциональные качели с видом на море. Какой итог ждёт тех, кто так иступлённо сражался за свои земли?

Мartiанка, автор канала @martiankaBooks

Посвящается моим читателям. Спасибо, что поддерживали меня на протяжении столь долгого времени. Мы добрались до финала!

Действующие лица

Происходящее в дораме частично основано на исторических событиях корейского полуострова времён XVI века, но персонажи, инциденты и упомянутые факты не соответствуют правде. Все совпадения с реально существующими людьми случайны.

Мун Нагиль – *Ёнгданте*, генерал драконьего войска, Дракон Дерева и Металла

Сон Йонг – Сыта-голь, попаданка из Священного Города

Ли Хон – Король Чосона, пятнадцатый ван Чосона

Ким Рэвон – побратим Нагиля, бывший ученик Дракона

Лапа Дракона

Чунсок – *Пуримгарра*, Первый Коготь, правая рука генерала

Гаин – *Сыгунгарра*, Второй Коготь, предводительница лучниц

Дэкван – *Тырсэгарра*, Третий Коготь, мастер мечей

Чжихо – *Куаргарра*, Четвёртый Коготь, лекарь

Воины Дракона

Хаджун

Боым

Намджу

Кантэ

Гванук

Минхи

Тэгён

Сокву

Досан

Ган

и другие

Дочери

Ильсу

Чхонги

Риюль

и другие

Совет короля Чосона

Лю Соннён – Советник Восточной Фракции

Ким Кихо – Советник Западной Фракции

Чхве Сувон – Советник Южной Фракции

Ли Бенгон – Советник Северной Фракции

Лю Соджоль – сын советника Лю Соннёна

Лю Сои – дочь советника Лю Соннёна

Ким Ондэ – шурином советника Ким Кихо

Империя Мин

Чжу Инъли – тринадцатый Император династии Мин

Чжу Чанло – четырнадцатый Император династии Мин

Ван Юцзяо – Наместник Императора в Чосоне

Ван Шоужань – Секретарь Императора

Слуги во дворце

Харин – бывшая служанка в доме советника Чхве

Евнух Сан – главный евнух короля

Тётушка Чхве – смотрительница королевского крыла во дворце

Иноземный отряд

Иридио – иноземец, португальский торговец пряностями, бывший узник безымянной крепости

Перу

Хольхе

Коби-руан

Даби

и другие

Орден Дракона (ныне расформирован)

Мастер Вонгсун – Дракон Воды, учитель Нагиля и Рэвона

Мастер Го – учитель боя, мастер мечей

Прочие

Су Имдон – бывший патриарх Ордена Сливы

Ким Мунсу – начальник городской стражи Хансона

Капитан Кан – капитан стражи безымянной крепости

Тоётоми Хидэёри – генерал японского войска

Отсутствие предела

Хэндэжу, Чосон, четвёртый день 1593 года ¹, год Водяной Змеи

За убийство десятой дочери Императора, принцессы династии Мин, полагалась казнь. Но поскольку виновный генерал драконьего войска, его брат-предатель, а также воин, прислуживающий ныне погибшей ученице мудан, сбежали, просто казнить шаманку древнего ордена никто не посмел. Наместник Императора Ван Юцзяо назначил дату казни – четвёртый день первого месяца нового года. До тех пор он повелел пытать мудан, пока она не сознается, где прячутся опальный генерал и его люди.

Шаманка молчала трое суток. Ранним утром четвёртого дня её вывели на главную площадь перед Пэдучжоном и усадили на стул для кымбу ². Лан шла с трудом, к своему неудовольствию опираясь на руки ведущих её стражников больше, чем хотелось бы, и потому скамьи и циновки для пыток встретила с мимолётной улыбкой. Это заметили приближённые Империи, это не ускользнуло от внимательного взгляда наместника. Стоящие рядом со стулом Лан стражники вздрогнули, хотя все предыдущие дни она не бросила на них и краткого взгляда, не прокляла и не сказала ни единого дурного слова.

Тело знаменитой ученицы мудан из Ордена Белого Тигра так и не предали огню и земле, выставили, словно в назидание всем врагам Империи, перед дворцовыми воротами Тэсу. Вот только прикованной к шесту была не погибшая сыта-голь, духа которой боялись в стенах дворца даже слуги Ван Юцзяо. И Лан тратила гораздо больше сил на то, чтобы сохранить эту тайну, не дать любопытным глазам заглянуть за вуаль из Ци и обнаружить там другую жертву, чем на то, чтобы выдерживать бесконечные пытки.

Лан знала, что умрёт сегодня. Знала это ещё с тех пор, как приняла дар от шаманки Кэмеко, с тех пор как увидела будущее, в котором ей суждено было встать на сторону Чосона и помочь новому Дракону Деревя, неопытному и юному защитнику страны, одержать победу в первой войне и достойно встретить вторую. С тех пор как в Чосон пришла *эта женщина*, Лан знала наперёд, как сложится её судьба.

¹ Отсчёт ведётся по китайскому календарю, где новый год начинается со второго новолуния после зимнего солнцестояния.

² Корейская пытка, в ходе которой допрашиваемого фиксируют на стуле, между ног ему крепят деревянные шесты и крутят их, как штурвал. При вращении суставы ног выворачиваются с такой болью, что допрашиваемый сознаётся в любых преступлениях.

Сон Йонг из Священного Города, заключившая союз со змеем, должна была стать спасением Чосона – или его погибелью. Шаманка Лан, передавшая ей свои знания и силу, должна была уйти в мир иной и присоединиться к духам своих предков – или не учить Сон Йонг вовсе. Лан сделала выбор.

Новое сменяет старое, как сезоны в году. Так заведено в Великом Цикле. Так написано на роду всех живых существ.

Лан вздохнула, впуская в тело морозный воздух раннего утра, и послала тихую мольбу духам. У неё ещё было немного времени в этом мире. Совсем чуть-чуть, пара мгновений, чтобы вспомнить славную долгую жизнь и насладиться последними лучами холодного солнца.

Могла ли шаманка изменить свою судьбу? Её непутёвая ученица считала, что человеку подвластно любое будущее и открыты любые тропы, и это, конечно же, не было правдой. Тот, кто должен умереть от меча в бою, не задохнётся в утробе матери, если его судьбу направляют Великие Звери. И тем не менее... Лан скривила губы в тонкой, едва заметной улыбке, которую Ван Юцзяо посчитал кошмарным предзнаменованием.

– Именем тринадцатого Императора династии Мин за пособничество в убийстве десятой дочери Императора я приговариваю мудан из Ордена Белого Тигра к смертной казни, – взревел над площадью твёрдый голос наместника. – Её соучастников и настоящих убийц дочери Императора ждёт та же участь!

Много слов, мало дела. Даже в собственном приговоре шаманка видела изъяны и хотела бы поторопить наместника, если бы могла говорить. К четвёртому дню пыток она потратила слишком много собственной Ци и уже сутки не могла раскрыть рта от слабости. Но мысли её были ясны. В них она поторапливала наместника, словно заигравшегося ребёнка.

Трещит и трещит, индюк напыщенный. Великий Лазурный Дракон, и в эти руки ты вложил разящий меня клинок...

Ещё до того, как Лан стала ученицей шаманки Кэмеко, в юном возрасте, когда её мать и отец погибли от голода, ей открылась уродливая истина – и теперь она принимала ту с чистым сердцем.

Смерть конечна и неотвратима.

И час Лан наконец-то пришёл.

Блеснуло в свете зимнего рассветного солнца лезвие меча в руках чосонского стражника. Лан заметила в его взгляде неуверенность и слабо кивнула. Давай же, смелый воин Чосона. Выполни свой долг, а потом передай моей безутешной ученице, что конец каждой жизни предreshён, избегать его бессмысленно.

Передай ей, что человек – слабое существо, зёрнышко риса в Великом Цикле, малая капля в круговороте живых и мёртвых. Смерть конечна для всех и неотвратима для всех, будь ты зазнавшийся монах умирающего ордена, или великий генерал большого войска, или крестьянская дочь, ставшая лучницей, или юный король слабеющей страны, или женщина, отвоёвывавшая себе место под здешним солнцем, или Дракон, ставший опорой страны поневоле.

Передай, что рано или поздно каждой жизни приходит конец. Но как мы к нему придём, выбираем мы сами.

Передай это моей ученице, воин. И скажи Дракону-дуралею, что он сам волен выбрать себе дорогу, по которой пойдёт.

Исполняющий приказ стражник отвёл глаза в сторону, в последний миг побоявшись смотреть в лицо невозмутимой мудан. Резкий взмах его меча обрубил жизнь в теле шаманки Лан, последней шаманки Ордена Белого Тигра.

В тот же самый миг пелена с посиневшего лица мёртвой ученицы шаманки спала, и глазам зевак, собравшихся у ворот Тэсу и глазающих на распятую, предстала не женщина-змея,

пугающая всех даже после смерти, а неизвестная девушка. Юна, лучница из стана Дочерей драконьего войска, присоединилась к Великому Циклу вместе с шаманкой Лан.

Их путь был окончен.

Союзники Змея

1

Дорога на Пхеньян, Чосон, первый день 1593 года, год Водяной Змеи

В сопровождении Хаджуна и Рэвона, наиболее странной компании, какую Йонг могла представить, она остановилась на привал во двореке заброшенной крестьянской хижины.

– Вы с Нагилем договорились о столице, – сказала Йонг, собираясь снова задать надоевший Рэвону вопрос, – но ты привёз нас сюда. Столицу спутал?

– Прекратишь ты упражняться в сарказме? – вздохнул Рэвон, изрядно уставший от неё всего лишь за день пути. Её вопросы он демонстративно игнорировал, говорил только с Хаджуном, и Йонг, тоже вымотанная долгой дорогой по заснеженным тропам, не могла даже как следует разозлиться.

– *Ёнгданте* велел доставить сыта-голь в Хансон, – подал голос Хаджун. Рэвон кинул ему короткий сердитый взгляд.

– В планах твоего генерала тоже многое поменялось, не так ли?

Хаджун насутился, пожал плечами, когда заметил, как неуверенно смотрит на него Йонг. Все силы у неё ушли на то, чтобы не плакать, сидя в седле, чтобы отгонять от себя образ белого, изменившегося под действием Ци, лица Юны. Даже после смерти она была похожа на Йонг.

Похоронят ли её с почестями – или привяжут к позорному столбу, выдав смерть предательницы за показательную казнь? Йонг не хотела думать об этом, ни сейчас, ни позже, но мысли вновь и вновь возвращались в прошлую ночь, полную слёз и крови. Её слёз. Чужой крови.

На горы опускалась ночь, становилось холоднее, они потеряли силы ещё в полдень и с тех пор плелись по тропам, не разбирая следов. Им стоило отдохнуть, Рэвон был прав.

«Сделай так, чтобы жертвы Юны и Лан были не напрасны, Сон Йонг», – думала она, спрыгивая с крупа своей уставшей лошади и заходя в неухоженный двор одинокой хижины у дороги.

«Сделай так, чтобы все глупцы поплатились за это», – думала она, привязывая коня к засохшему сливовому дереву.

– Завтра отправимся дальше, – поджав губы, сказала Йонг. Хаджун вскинул брови от удивления, но говорить ничего не стал. Твоё решение, сыта-голь.

Соглашаться с Рэвоном было смерти подобно и прежде, но теперь, после целого дня пути рядом с ним, после всех мыслимых и немыслимых образов, которые она себе выстроила, помня всё о прошлой ночи и додумывая недостающие детали... Теперь Рэвон-сонбэ ³ окончательно превратился в глазах Йонг в чудовище.

Она велела развести костёр и ушла поискать в хижине что-нибудь тёплое, что можно было использовать в качестве одеяла, и хотела думать только о предстоящем ночлеге, еде, приземлённых делах... Но снова и снова возвращалась мыслями в кровавую ночь и чувствовала в воздухе тонкий запах металла, кислого яда, прожигающего горло принцессы Юнмень, солёных слёз умирающей Юны. Прошлая ночь, полная крови и предательства, осталась в Йонг, вся целиком, и не было ни сил, ни желания сопротивляться её отравляющему смраду, тянущемуся вдоль снежной дороги от Хэнджу.

Нагиль не мог отравить принцессу, он бы не решился на такое даже под угрозой казни. Сам бы полез в петлю, сунул бы руку под лезвие меча, чтобы спасти, а не убить. Лан тоже подобного не допустила бы. *Мэитренним* ⁴ была строгой, порой жестокой, но никогда её действия или слова не призывали к смерти и не сулили смерть.

«Ты х-х-хотела, чтобы девчонки не с-с-стало. – Имуги поднялся вдоль позвоночника Йонг в затылок, задышал оттуда ледяным духом. – Ты желала от неё избавиться-с-ся».

– Не такой ценой, – возразила Йонг вслух, останавливаясь в заброшенном мрачном доме, где не было ни света, ни звука. У хижины были заколочены окна, бедное убранство единственной комнаты покрылось пылью и ледяной коркой. Йонг глубоко дышала, стараясь унять сердито разогнавшееся сердце, и пар из её горла вырывался горячий и тоже злой. – Принцесса не должна была умирать. Не так страшно. Не такой молодой.

«Но её с-с-смерть принес-с-сла тебе облегчение, – с сомнением прошипел имуги. – Теперь твоему генералу не нужно жениться-с-ся на этой маленькой девочке».

– Да, потому что она мертва, – процедила Йонг, даже мысленно давя на слова, вкладывая в них обидную боль, копившуюся в ней весь день. – Ни одно желание не должно идти сквозь живого человека, подобно стреле, пронзающей грудь.

«Говоришь с-с-складно, – ехидничал змей. – Но что толку от твоих речей, ес-с-сли за ними с-с-сокрыта ложь? Говори что хочеш-ш-шь, но не ври с-с-себе: ты хотела избавиться-с-ся от принцес-с-сы!»

Он... был прав. Йонг зажмурилась, чувствуя, как сквозь веки просачиваются обидные злые слёзы, и шумно выдохнула. Она не знала, что могло бы спасти её и Нагиля от безрадостной участи, и за долгую, томительную неделю, проведённую под стражей Ван Шоужаня, не раз

³ Обращение младшего коллеги к старшему по корейскому этикету.

⁴ Мастер, учитель (*драконий язык*).

думала о том, можно ли отравить тринадцатую дочь Императора династии Мин и остаться в живых. И гнала от себя эти мысли, потому что те были безнадёжной тратой времени и сил. Никто не смог бы убить принцессу Юнмень и выйти из дворца на своих двоих. Даже Дракон. Тем более Дракон.

– Это моя вина, – проговорила Йонг тихо, и имуги тут же скрутился в её груди, поднялся к горлу, его протест вырвался изо рта шипением.

«За мыс-с-сли не наказывают. Не с-с-ебя ты должна винить».

– Больше некого, – мрачно заметила Йонг, стирая с щёк замерзающие на холоде слёзы. – Я отвечала за Юну и своего *мэштреннима*. И я их не сберегла.

«Найди того, кто поплатится-с-ся за их с-с-смерть, – прошипел имуги. – Не ты одна желала убить принцес-с-су, но только ты с-с-сейчас-с-с за это в ответе. Нес-с-справедливо».

– Верно.

Йонг понимала всё это с самого начала и теперь злилась, что не смогла предотвратить катастрофу. О покушении на принцессу думала она сама, но выполнил её тайную, *стыдную* волю кто-то другой. И расплачиваться за это должен был кто-то другой.

Не бедная Юна. Не мудан Ордена Белого Тигра.

Йонг так и не нашла в пустой хижине ничего, что могло бы согреть её и невольных попутчиков, о которых она не просила. Но в полу комнаты обнаружилась шатающаяся доска, а под ней – тайник с двумя закупоренными кувшинами соджу. Алкоголь мог быть испорченным, а Йонг не ела со вчерашнего вечера. Она прикинула свои шансы и без всякой надежды выволокла кувшины на свежий воздух, к поджидающему у огня Хаджуну.

– В доме ничего нет, кроме алкоголя. Предлагаю согреться им.

Хаджун обернулся на сердитый голос Йонг и вжал голову в плечи.

– Я бы не стал рисковать, сыта-голь. У этого соджу может быть отвратительный вкус.

– Не всё ли равно, чем заливать горе? – зло выдохнула Йонг и села на трухлявое бревно рядом с воином. Тот подвинулся, огляделся в поисках Рэвона, похоже. Ему предатель Чосона тоже не нравился, но, кажется, компания одной Йонг сейчас Хаджуна не устраивала. Не когда Йонг в один миг могла обернуться змеей.

– Что в моём мире, что в этом... – промычала она, откупоривая старый кувшин, из горлышка которого пахнуло застоявшимся спиртом. – Смерть неожиданна и коварна и выбирает всегда не тех, кто её заслуживает.

– У нас говорят, – осторожно заметил Хаджун и взял кувшин из трясущихся рук Йонг, – смерть забирает тех, чьё время пришло.

– Уверена, принцесса Юнмень с тобой бы поспорила.

На едкое замечание Йонг Хаджун ничего не ответил, опустил голову и кувшин с соджу поставил в ноги.

– Не стоит вам пить, сыта-голь, – тихо добавил он спустя несколько коротких мгновений. – Горе не запьёшь соджу, его можно только прожить и проплакать.

– Или же найти виновного в твоих бедах и вздёрнуть его на виселице, – проговорила Йонг. Её злые слова потонули в скрипе снега под ногами вернувшегося Рэвона. Тот нёс подстреленного зайца.

– Не самый богатый улов, – сказал он, будто не замечая кувшина со старым соджу в руках у Йонг. – Но лучше, чем ничего.

Хаджун выпотрошил тушку, насадил на вертел. Пока ждали, когда приготовится жёсткое мясо, Рэвон без слов протянул руку к кувшину, который Йонг так и не опробовала, наблюдая за танцем языков пламени под свежим заячьим мясом. Она не обратила внимания на то, что Рэвон-сонбэ пьёт рядом с ней и делает вид, будто между ними ничего не изменилось с тех пор, как они сидели в беседке у пруда во дворце Хэнджу.

Тогда он сказал, что преследует свои цели и помочь Нагилю ничем не может. А в следующую ночь принцессу Юнмень отравили, Юна погибла на руках у Йонг, защищая её от меча стражника, и Лан велела ей уходить и больше не оглядываться. Какая цель стоила бы убийства дочери Императора? Расторгнутая свадьба генерала драконьего войска – лишь побочная причина, даже повод.

Йонг думала об этом всё то время, что жарилось мясо зайца, всё то время, что Хаджун молча делил его на три части и подавал им троим скудный ужин. К тому моменту, когда в грязных руках у Йонг остались только обглоданные косточки, она чувствовала себя уставшей из-за первой еды за долгие сутки и всё ещё злой.

– Всё из-за тебя, – процедила Йонг сквозь зубы, не глядя на Рэвона. Она бы плюнула ему в лицо, если бы это её успокоило. Но поднимающаяся внутри Йонг ослепляющая ярость не могла насытиться даже ударом меча.

Едва она закрывала глаза, видела мёртвое тело принцессы Юнмень, запавшие глаза, искажающие красивое лицо, залитый кровью рот. На бледной, почти белоснежной коже та выделялась особенно ярко, забирая весь цвет из дорогих шёлковых одежд, словно горела, сжигая в Йонг едва зародившуюся симпатию.

– Я ослышался? – переспросил Рэвон. Йонг отбросила в сторону заячьи кости вместе с сомнениями и уставилась в лицо сонбэ в бессильной, глухой ярости.

Едва она закрывала глаза, видела Юну, умершую за два рваных вдоха у неё на руках. Её крови было так много на полу, что тот превратился в алый, и Йонг укачивала мёртвое тело своей подруги, своей защитницы, видя себя в отражении кровавого моря.

– Будешь врать снова? – бросилась на Рэвона Йонг. Хаджун ахнул и отодвинулся. – Давай, скажи, что не ты подстроил убийство принцессы! Это всё из-за тебя!

Губы Рэвона дрожали, кривились – не в привычной усмешке, а в перерастающем в злость разочаровании. Йонг всегда его разочаровывала, что бы ни делала, что бы ни говорила. Стал бы он смотреть на неё по-другому, согласись она теперь отправиться к Тоётоми как трофей, принадлежащий Дракону?

– Из-за меня? – повторил Рэвон. Отражающиеся в глазах язычки пламени полыхнули ярче. – Думай, что говоришь. Ты хоть понимаешь, что сама виновата? Не будь тебя рядом, никто бы не умер!

– Это ты отравил дочь Императора! – закричала Йонг и ударила по бревну с такой силой, что что-то треснуло и покачнулось рядом полупустой кувшин с соджу.

– Даже если я, тебя не должно это волновать! – ответил ей в тон Рэвон. – Беспокойся теперь о Нагиле! Это ему придётся отвечать перед Императором, не тебе! Ты сидишь тут, в безопасности, тепле и окружена людьми, которые защитят тебя ценой своей жизни, а он остался в стане врагов, совершенно один!

Рэвон схватил соджу и выпил всё одним глотком. Потом бросил кувшин в ноги, и тот покатился по вытопанной земле ближе к костру.

– Это сделал не я, – повторил он, выцеживая из себя каждое слово. – Но что толку? Ты не поверишь мне, пусть я говорю правду. Ты ведь считаешь, что я постоянно лгу.

– А разве нет? – бросилась в новые обвинения Йонг. – Делаешь то, что нужно тебе, не заботишься ни о ком, кроме себя, и...

– Угомонись, – рявкнул Рэвон. – Всё, что я делал, – это спасал Нагиля. Что? – Он заметил неприкрытое удивление на лице Йонг и вот теперь усмехнулся. Горько, пусто, снова разочарованно. – Я привёл тебя сюда в первый раз, чтобы спасти *его*. Я сделал *тебя* разменной монетой в войне, к которой ты отношения не имела, чтобы *мой брат* не попал в руки Тоётоми. А что ты?..

Йонг отвернулась, но Рэвон продолжал говорить, и заткнуть уши, чтобы не слушать его, у Йонг возможности не было. Он должен был снова врать, но его слова ложью не были. Глубоко

в душе Йонг знала это, как знала о своём месте в истории не-Чосона, с самого начала, с первого своего дня здесь.

– Ты должна была пожертвовать собой, чтобы Нагиль жил и процветал, – говорил Рэвон глухо. – А ты стала той, кто его погубит.

Он встал, поднял с земли вторую бутылку с соджу и собрался уйти в хижину, оставив Йонг с её сомнениями и забирающимися под кожу страхами.

– Я его спасу, – ответила Йонг, думая, что Рэвон уже ушёл. Но он замер в полушаге от неё и Хаджуна и, не оборачиваясь, бросил себе под ноги:

– Не забывайся. Ты несчастная маленькая девочка, которой не под силу даже с собой справиться. Ты – стрела, которая вонзится в сердце моего брата и убьёт его.

Оказалось, что в заброшенной хижине крестьян Рэвон остановился специально. Без удивления, с гудящей после ночи переживаний головой, Йонг стояла под худой крышей ночлега и слушала, как на заднем дворе он говорит с Хаджуном:

– Вы можете отправиться дальше в Пхеньян, а я задержусь. Мы встретимся в городе через пять дней.

– Нельзя, господин Ким, – отвечал Хаджун таким серьёзным тоном, будто сообщал Рэвону о нападении Империи Мин. – Вы обязались доставить сыта-голь в столицу.

– Я и не отказываюсь от этого обязательства. Мне нужно свернуть с дороги, мы просто разминёмся на время, и...

– Хотите, чтобы вас продолжали называть *бэсинджа-ён*⁵?

Предатель драконов. Такое прозвище Рэвону дали в стане драконьего войска ещё год назад. Йонг слышала, как воины, переговариваясь, клеймят сонбэ позором, но сперва не понимала истинного значения новых для себя слов, а позже останавливалась от обвинений намеренно. Какими бы ни были их отношения прежде, она не знала, имеет ли власть достаточную, чтобы винить Рэвона в своих же бедах.

Теперь, зная, как судьба влияет на человека, Йонг гадала, стал ли Рэвон началом её новой дороги или же являлся спицей в колесе жизни, как и многие другие люди, которых она тут встретила.

Но вчера, даже зная, через что прошёл Рэвон-сонбэ в прошлом, она обвинила его в убийстве. Мог ли Рэвон действительно быть тем, кто подсыпал яд в чай принцессы?

«Почему-у-у ты думаешь-ш-шь, что убить хотели принцес-с-су?» – гулко отозвался имуги на дне дань-тяна⁶ Йонг. Она была слишком сонной, чтобы думать сейчас об этом, и змей, поняв это, потянул Йонг на задний двор самостоятельно.

Прежде, чем ответить, Рэвон резко выдохнул.

– Да как ты...

⁵ Предатель драконов (*драконий язык*).

⁶ Область чуть ниже пупка, своеобразный энергетический резервуар Ци.

– К чему эти ужимки, сонбэ? – Йонг прервала его на полуслове и встала рядом с Хаджуном. – Мы условились ехать до столицы втроём. Куда ты хочешь отправиться без нас?

Что ты скрываешь, и без того находясь на волосок от обвинения в убийстве?..

Рэвон поджал губы, стиснул поводья коня, уже готового отправиться в неизвестный путь.

– Мне нужно свернуть на восток, – сказал он, тщательно подбирая слова. – Это не займёт и трёх дней, о большем тебе знать не обязательно.

– Если это не займёт и трёх дней, – с нажимом повторила за ним Йонг, – то мы можем составить тебе компанию. А дальше поедem в Хансон, как и собирались. Повторю вопрос: к чему твои недомолвки, Рэвон-сонбэ?

Мог ли Рэвон отравить чай принцессы, целясь не в неё, а в Сон Йонг? *Ты – стрела, которая вонзится в сердце моего брата и убьёт его.* После тяжёлого сна без сновидений Йонг отчётливее слышала в словах сонбэ угрозу, и если вчера она соглашалась со своей виной перед ним и Нагилем, то сегодня помнила лишь о том, что Рэвон манипулировал ею с самого первого дня её появления в Чосоне.

Попытается ли сонбэ убить её своими руками по пути в Хансон, ослабив тем самым Дракона и королевскую власть в стране? Или же будет спасать брата, действуя так коварно из-за убеждения, что в конечном итоге Йонг убьёт Нагиля?

Узнать правду она сможет в ближайшем будущем. Нужно лишь не спускать глаз с Рэвона.

– Я еду в опасное место, – наконец, сдался тот. Рэвон отвёл взгляд, будто ему было сложно смотреть Йонг в глаза. – Нагиль попросил сопровождать тебя до столицы и беречь, а место, куда я хочу наведаться, далеко не туристический курорт для такого ценного груза, как *девушка со звёзд*.

– Что такое курорт? – тихо спросил Хаджун, но Йонг хмыкнула на неприкрытое издевательство Рэвона, и воин умолк.

– Я не хрустальная ваза династии Мин, чтобы трястись надо мной, – ответила Йонг. – И ничто больше не сдерживает мою Ци. Я могу постоять за себя, сонбэ. Куда ты едешь?

Тот тяжело вздохнул.

– Проклятье, не будь ты последовательницей святого Ордена, я бы и думать не стал, – сказал он невпопад. – Ладно, ты всё равно не поверишь мне на слово... – Рэвон оседлал лошадь и договорил, глядя на Йонг сверху вниз: – Мы едем в безымянную крепость. В самую охраняемую тюрьму Чосона.

В безымянной тюрьме держали преступников, совершивших такие злодеяния, что никто не осмелился освободить их даже ради защиты страны в беспокойное время. Убийцы, насильники, заговорщики против короны – те, кто избежал казни, сосланные в пожизненную ссылку в холодное, забытое Великими Зверьми место, не отмеченное на картах. Зачем они приехали сюда? Что Рэвон здесь ищет?

Он подал знак; махнул перед людьми на надвратной башне свитком ханджи ⁷, и те открыли тяжёлые врата. Йонг въехала следом за сонбэ и Хаджуном в продуваемый ветрами заснеженный коридор, проход между внешней мощной стеной и внутренней.

– Молчите оба, говорить буду я, – сказал Рэвон. – Нам тут не рады.

Йонг остановила коня рядом с хмурыми стражниками. Не в пример знакомым ей воинам, эти были облачены в тяжёлые доспехи, потускневшие от долгой носки, в шлемы, испещрённые узорами, в которых угадывались символы Белого Тигра. Север Чосона был владениями другого Великого Зверя – здесь поклонялись Жёлтому Единорогу, и следы Белого Тигра Йонг прежде у жителей северных окрестностей не замечала. Задумавшись об этом, она пропустила момент, когда из-за внутренних ворот показался человек в сером плаще, накинутом на доспехи.

⁷ Название бумаги в Чосоне.

– Вы с приказом от короля? – оглядев Йонг, Рэвона и Хаджуна, спросил тот. Рэвон мотнул головой, протягивая ему свиток с печатью.

Человек сломал печать, взглянул на строки в письме и посуровел.

– Слово Дракона не имеет тут силы, – заявил он. – И его Хранитель над нами не властен.

– Тем не менее, капитан Кан, – в тон ему ответил Рэвон, – вы приняли меня в прошлый раз. Сегодня я тоже не доставлю вам лишних забот.

Йонг перевела взгляд с капитана стражи перед собой на Рэвона, возвышающегося над ним в седле худого коня. Теперь Рэвон выдаёт себя за Хранителя Дракона? Какие игры он ведёт за спиной своего японского генерала и короля Чосона?..

Капитан Кан подал знак своим людям, и те без слов распахнули внутренние ворота тюрьмы.

– Только в благодарность за прошлые заслуги я позволяю вам и вашим... друзьям, – он скользнул взглядом по Йонг и Хаджуну, – стать моими гостями.

Йонг сползла с седла по примеру Рэвона и Хаджуна, и за стены вошла пешком, ведя за собой коня. Тюрьма не пугала её сейчас так, как Рэвон и его тайны. Она должна была бы привыкнуть к тому, что сонбэ Рэвон преследовал свои цели в любом деле, что хитрил и обманывал даже там, где можно было избежать лжи. Но сейчас он снова пугал её своими внезапными решениями.

«Я не чувс-с-ствую от него опас-с-снос-с-сти, – прошипел имуги. – Твоё подозрение напрас-с-сно».

«Это потому, что вы одной природы, хитрый змей, – возразила Йонг. – Рэвон-сонбэ так же опасен, как и ты».

«Мне ты доверяеш-ш-шь».

«Ты ошибаешься».

Тюрьма изнутри выглядела такой же неприступной, как и снаружи: высокие каменные стены, запорошенные снегом, дымящиеся башни по периметру, заполняющие холодный воздух тёмно-серым тяжёлым смогом, и низкие строения в один этаж, похожие на казармы драконьего войска, если бы те были заброшены и забыты на долгие годы. Казалось, тут были сплошь необжитые здания, построенные из камня и металла давным-давно. Стены давили на Йонг, воздух давил на имуги.

Это место никак не могло быть пристанищем обычных людей.

«Не чую тут Ци металла, – пожаловался имуги. – Не ос-с-сталос-с-сь тут ничего от Белого Тигра».

«Но символы...»

«Только видимос-с-сть. Наглая, неумелая ложь тех, кто пытае-с-ся умас-с-слить моего С-с-старшего брата».

«Белый Тигр – не твой брат», – снова возразила Йонг, но слабо. С тех пор как имуги поселился в её теле и обрёл голос, он всё меньше походил на обманщика, хоть Йонг ни на миг не забывала о его природе. Он хотел стать Великим Зверем и – пусть только в этом – ни разу не лгал ей.

«Он твой х-х-хозяин теперь, – ответил имуги самодовольно. – Повелитель Ордена Белого Тигра. Его ты обязана боятьс-с-ся и почитать».

«Как и любого Великого Зверя».

«Дракона ты не почитаеш-ш-шь».

Не того, что жил в теле Нагиля и вытягивал из него силы. Не того, что разлучил их на долгое время и сейчас снова развёл разными дорогами.

– Ведите себя спокойно и не задавайте вопросов, – предупредил Рэвон запоздало. Йонг переглянулась с Хаджуном; тот тоже ничего не понимал и никаких поручений от Нагиля,

видимо, не получал, потому казался растерянным. Йонг перевела взгляд на Рэвона. Она сделала шаг к нему, пока они ждали какого-то знака от капитана тюремной стражи.

– Что ты задумал? – процедила она. Сонбэ дёрнул губой: молчи, ради всех святых духов. – Почему ничего не сказал нам?

– Сон Йонг, *не сейчас*.

Капитан Кан кивнул двум своим людям, и те скрылись в похожем на казармы строении. Камеры, наконец-то поняла Йонг. Она опасливо осмотрелась. Их окружали несколько длинных, тянувшихся с востока на запад, с севера на юг построек из камня. Всё это были камеры для преступников. Открытое пространство, где она стояла, держась за поводья коня, было не площадью для церемоний, а двором для редких выгулов местных головорезов. Любая точка его просматривалась с башни, любое движение было заметно стоящим там стражникам. У всех были лук и стрелы, копыя у плеча, мечи на поясе. Все были вооружены и готовы в любой момент пустить в сердце неугодного им человека стрелу.

Вот куда стоило бы отправить проклятого монаха Имдона. Вот где должен бы доживать свой гнусный век предатель Соджоль.

– Забирайте её и покиньте крепость, – сказал капитан стражи. На Йонг он не смотрел вовсе, словно женщина была недостойна его взгляда, даже косого. Хаджуна капитан тоже будто не замечал. Всё его внимание было сосредоточено на Рэвоне, и тот делал вид, что имеет право находиться здесь и отдавать приказы, пусть и только на бумаге.

– За ней я и прибыл, – кивнул Рэвон. – Уверяю, мы вас не потревожим более.

За ней, медленно думала Йонг. Кто она? Кого так не терпится получить Рэвону, что он пренебрёг безопасностью и свернул с дороги на Хансон?

Йонг следовало бы бояться, но страха не было: весь он до последней капли остался во дворце северной крепости Хэнджу, рядом с остывающим телом Юны.

«Я чую с-с-светлое Ци», – с удивлением прошипел имуги после минуты ожидания.

«Я тоже», – согласилась Йонг. Приближающаяся к ним энергия ощущалась свежим глотком воздуха, тянувшимся из-за стен тюремных камер. В нём чувствовался влажный, солёный ветер. Кого держали в самой опасной тюрьме Чосона с таким редким духом?..

Двери камер позади капитана Кана открыли с тихим скрипом, и на утренний свет во двор шагнул сперва стражник, а за ним – девушка. Бедно одетая, бледная и испуганная.

Йонг вгляделась в черты её лица, выбеленные на зимнем солнце, и чуть не ахнула в голос. Представшая перед ней была как две капли воды похожа на её бывшую коллегу Харин.

Она кивнула Рэвону, будто давнему знакомому, и всего на одно безумное мгновение Йонг решила, что видит перед собой не подобие бывшей коллеги, а её саму, Харин из двадцати четвёртого года, Харин из отдела М87 в космическом институте Пусана. Но наваждение прошло, едва она посмотрела на Йонг из-под полуопущенных ресниц.

Эта девушка могла быть только служанкой, скромной и кроткой. Даже за короткое время, что Йонг провела во дворце, взгляды слуг она выучила сполна: те смотрели чуть испуганно, или зло, или уважительно, но никогда не поднимали глаз выше подбородка знатного гостя, не

смели взглянуть ему в лицо. Йонг полагала, что многие из служанок Чогёнджона, что убирали комнаты и приносили еду ей и генералу драконьего войска, даже не знали, какого цвета их глаза, и не смогли бы точно описать их внешность.

Служанка дворца, страж королевских стен, простой горожанин – никто из них не смог бы понять, что видит перед собой короля Чосона, нарядись он в обычные одежды и разгуливай по дворцу или городу без сопровождения.

– Тебя здесь не обижали? – спросил Рэвон у девушки. Та качнула головой, то ли соглашаясь, то ли возражая.

– Поселили её рядом с иноземцами, как было велено, – буркнул капитан Кан и махнул стражникам за своей спиной. – Никто её и пальцем не тронул, у меня тут жёсткая дисциплина. Решение Дракона я не обсуждаю, но приводить девчонку в безымянную тюрьму больше не советую. Женщинам тут не место.

Он впервые посмотрел на Йонг внимательнее и тут же, выдохнув, отвёл взгляд. Йонг не понимала, так ли ужасно выглядит, как себя чувствует, но вид измотанного человека в пятнах засохшей крови не должен был пугать капитана безымянной тюрьмы, полной опасных преступников. Йонг не знала, что весь этот день смотрит на мир бледно-серыми, почти белыми глазами цвета луны, которые утром напугали Рэвона, а теперь – капитана тюремной стражи.

– Благодарю вас за содействие. – Рэвон поклонился, игнорируя слова капитана. – Теперь мы пойдём. Как и обещал, больше я вас не потревожу.

«От неё пахнет не только морем. – Имуги обвил кольцами своего холодного тела весь позвоночник Йонг, пытаясь дотянуться до молчаливо стоящей рядом с Рэвоном служанки. – Чуеш-ш-шь? Она пахнет перцем».

Догадка прострелила сознание так резко, что Йонг замерла на месте, дёргая за поводья и без того тревожную лошадь. Та взбрыкнула и встала, до слуха Йонг донёсся звонкий треск и звук натянувшейся тетивы на луках следящих за нею стражников с башен.

– Сон Йонг... – В голосе Рэвона не было угрозы, как прежде, и он больше не предупреждал её ни о чём. Мгновение назад он просил её быть сдержанной и не задавать вопросов, а теперь Йонг поймала его взгляд, прямой и ясный, как утекающий за горизонт солнечный свет этого длинного дня.

И Йонг отринула прочь сомнения.

– Капитан Кан! – подала она голос, привлекая к себе ещё больше внимания. – Капитан, говорят, в вашей тюрьме держат узников-иноземцев, это правда? Я бы хотела поговорить с ними.

2

В Чосоне, который знала Йонг, тюрем, подобно этой, не было. Чаще всего преступников, уличённых в покушении на королей и чиновников высшего ранга, казнили после череды жестоких пыток, а обвинённых в деяниях слабее ссылали в отдалённые провинции или на острова. С островов в давние времена так просто было не сбежать, даже если до ссылки ты был вхож во дворец короля, потому особых мест для содержания преступников в Чосоне не предусматривалось.

Безымянная тюрьма, как бы Йонг о ней ни размышляла, представляла собой удивительное явление. По слухам, тут держали ярых врагов государства, но даже за короткое время, проведённое в *этой* Чосоне, Йонг видела не единожды, как мятежников казнят прямо на месте после допросов. Откуда в безымянной, строго охраняемой крепости было столько противников королевской власти, если по законам страны их должны были лишить головы сразу после вынесения приговора?

Лан говорила, крепость построили не более ста лет назад. Примерно в те времена у берегов Чосона появились первые корабли с иноземными торговцами, что заключили сделку с королём Седжоном. Португальцы привезли в Чосон красный перец и свой язык. Король Седжон дал им право ходить в спокойных водах Медного моря, оберегая от японских пиратских судов.

После смерти Седжона престол занял его старший сын, который правил всего два года: он заболел и умер при таинственных обстоятельствах, и власть перешла к его несовершеннолетнему сыну. Того сместил с наследного места собственный дядя, наконец-то дорвавшийся до власти. Молодого короля сослали вместе с бывшими друзьями Чосона, иноземными торговцами, именно сюда, в безымянную крепость на севере страны.

Народ Чосона не говорил об этом прямо или же был слеп и глух: безымянную крепость создали, чтобы держать в ней свергнутого наследника престола. Иноземные узники были только прикрытием для нового короля Сэчжо. Даже после смерти своего племянника он не упразднил тюрьму и продолжал посылать в неё преступников. До недавнего времени Йонг думала, что безымянная тюрьма малочисленна и португальский мореплаватель, о котором говорил Нагиль, был исключением: его посадили за решётку в мирное время за тяжкое преступление – он изнасиловал наложницу короля и пытался выкрасть её из дворца, кажется.

Но теперь, пока Йонг шла вдоль длинной вереницы камер и обострённым слухом улавливала дыхание многих людей по ту сторону толстых каменных стен, ей стало ясно, как сильно она заблуждалась.

Здесь, в безымянной крепости, откуда на свободу была лишь одна дорога – в страну духов, – годами держали бесчисленное множество узников. Для чего?

Вопросов у Йонг было слишком много, чтоб она могла разобраться с ними самостоятельно. Прежде всего, решила она, пока ждала ответа от капитана Кана, стоит вытащить из тюрьмы людей португальского мореплавателя.

Даже если Ильсу сумела уговорить его отправиться в столицу вместе с раненым Намджу, то вряд ли этот бородатый грубиян согласится помочь Чосону, который принёс ему только горе. На этот случай у Йонг должны были найтись веские причины, которые помогут ей убедить неуступчивого человека.

И сегодня судьба вновь выстегала перед ней нужную тропу. Если бы не обстоятельства, из-за которых Йонг оказалась в безымянной крепости, она сочла бы себя везучей.

«Ты приручила змея и выжила», – напомнил имуги, сползая на дно её желудка.

«Невелика радость, коль из-за тебя меня ненавидит весь Чосон», – огрызнулась Йонг. Она устала гадать и устала ждать, и ловить на себе злые взгляды Рэвона тоже устала. Если бы рядом с ней был Нагиль, он поддержал бы её решение. Но Нагиля не было.

Он остался в стане врагов, совершенно один!

Йонг зажмурилась, гоня прочь слова, брошенные в гнев Рэвоном. Она обернулась, ища взглядом его фигуру, – тот помогал служанке, похожей на Харин, устроиться рядом с горящим костром в одной из надвратных башен. Услышав просьбу Йонг, капитан тюрьмы, если и удивился, виду не подал и велел отвести «этих неприятных гостей» в башню, где было тепло и сухо. Им не предложили еды или даже воды, оставили всех четверых в небольшой отапливаемой комнате с арками вместо дверей. Крепостная стража сторожила их снаружи, по два человека у западных и восточных арок. Служанка с лицом Харин качала головой и делала вид, что её ничего в этом мире не беспокоит.

Рэвон просил не задавать сейчас вопросов, и Йонг держала их при себе, но отвести теперь взгляда от спокойного лица служанки не могла. Та выглядела так, будто нахождение в неприступной тюрьме было для неё сродни дыханию. Странная девушка.

– Харин, – сказала она вдруг, заметив взгляд Йонг и то ли смутившись, то ли испугавшись её внимательных глаз. Йонг не смогла подавить в себе удивлённый вздох.

И зовут так же. Она смирнее, тише Харин из другой вселенной, но черты лица идентичны, повадки схожи. Эта Харин тоже кусала губы и теребила мочку уха.

– Сон Йонг, – в тон служанке ответила Йонг. Они обе чуть поклонились друг другу под недовольный выдох Рэвона. Решив, что запрет на вопросы теперь снят, Йонг шагнула к Харин. – Как долго ты жила тут?

Та покосилась на Рэвона, он безнадежно махнул рукой.

– С месяц где-то... госпожа.

– Я не госпожа. – От вежливого обращения заныли зубы, Йонг подавила вспышку раздражения и спросила ещё, пока в голове шипел о предостережениях имуги: – Знаешь, в каких камерах сидят иноземные узники?

– Я... – Харин бросила короткий взгляд на арку, за которой прятались стражники, и кротко кивнула. – Сэ, сыта-голь.

Ах, она знает *ёнглинг*! Да кто же она такая, эта осторожная девушка?

– *Хальсу боёджура*?⁸

Харин нахмурилась, ей потребовалось время, чтобы перевести для себя вопрос. Несколько секунд превратились для Йонг в целые минуты, прежде чем служанка вспыхнула и закивала.

– Сэ, сыта-голь!

«Ты хочеш-ш-шь разруш-ш-шить крепос-с-сть? – зашевелился притихший было имуги. Зимняя стужа не пугала его, но тепло огня даже на него действовало, как на теплокровного зверя: он становился медлительнее, неразговорчивее. – Не в тепле с-с-суть... Тут воздух-х-х давит».

Верно, в башне в самом деле был спёртый воздух, в котором угадывались грязь, многодневный пот и пыль – и что-то ещё, чего от усталости Йонг не могла разобрать.

«Я надеюсь, до разрушений не дойдёт. У нас получится вывести из камер людей и никого не убить?»

«Ты прос-с-сила не лгать».

Проклятье. Йонг закусила губу, походила от арки к арке.

«Посмотрим, как поведёт себя капитан стражи», – решила она наконец.

⁸ Сможешь показать? (*драконий язык*)

Капитан Кан вернулся к ним таким же сосредоточенным и серьёзным. Говорил он по-прежнему с Рэвоном (который выдал себя за Хранителя Дракона, какая наглость!), но уже громче, и Йонг расслышала со своего места:

– Я послал запрос в столицу, как получим ответ короля, дадим вам знать.

– Но ждать придётся дней шесть, не меньше! – вспыхнула Йонг, сокращая расстояние между ней и капитаном. Тот вскинул подбородок, упёрся им в эфес короткой пики, воткнутой в деревянные доски пола.

– Даже Хранителю не позволено разговаривать с узниками без прямого указа короля. Вы просите о необычной услуге, находясь в безымянной крепости. Имей вы хоть каплю мозгов, и просить бы не стали. Я мог бы отрезать вам язык за одно только лишнее слово.

Держи безымянная крепость реальных извергов в своих стенах, Йонг боялась бы больше и уважала бы капитана сильнее. Но теперь, понимая, кто скрывается в камерах, тратить время на страхи не могла и не хотела.

– Столько разговоров было о тюрьме на севере, – процедила она, чувствуя, как от её ярости мёрзнет нагретый огнём воздух. Было поздно, солнце давно спряталось за горным хребтом на западе, и набирающая силу Ци в теле придавала Йонг уверенность. – Столько слухов ходило о стражниках, что охраняют головорезов крепости. Вы и сами знаете, кого держите тут под замком. Не убийц и насильников, верно же?

К чести капитана, тот не стал лгать и ответил, вызывая удивление и своих людей, и Рэвона с Хаджуном:

– Один насильник все-таки был.

– И где он?

Если соврёт, подумала Йонг, доверия ему не будет, и правила тогда соблюдать ни к чему. У них не было времени на уговоры людей, не готовых сохранять честь и достоинство. Таких полно было во дворце Хэнджу. Такие позволили принцессе Юнмень погибнуть. Такие убили Юну.

Капитан покосился на служанку и ответил после раздумий:

– Сбежал. Ему никто в крепости не помогал, сам сумел из оков выбраться. Хитрец.

Йонг прищурилась, оценивая капитана. Освещённая рослая фигура в оранжевом свете настенных факелов, отражающемся от затёртых доспехов. Хмурый взгляд под нависшими веками. Он не был стариком, кажется, но за шлемом было не разобрать, сколько лет с Йонг их разделяло. Двадцать? Тридцать? Говорил он, вопреки её суждениям, серьёзно и без увёрток.

«Такие, как он, врать не умеют», – подал голос имуги. Йонг хмыкнула.

«Слишком часто мы ошибались насчёт всяких мудрецов и воинов, чтобы полагаться только на твоё чутьё».

«О, ты теперь думаешь-ш-шь с-с-своей головой, – удовлетворённо отметил змей. – Что бы с-с-сказал на это твой генерал...»

Сказал бы, что Йонг правильно подвергает сомнению каждого встреченного ей человека. Сказал бы, что говорить с начальником тюремной стражи не стоило. Сказал бы, что и быть ей здесь не положено.

Но генерала тут не было, и полагаться Йонг могла только на себя. Она взглянула на стоящего у арки Хаджуна, уже изрядно уставшего за этот долгий день. На Хаджуна тоже можно было положиться.

– Значит, за беглецом погони вы не устраивали? – спросила Йонг у капитана. Тот вытянулся во весь свой немалый рост.

– Сгинул он, – рявкнул капитан. – Кинулся со скалы в ледяную реку. Утонул, к вонгви его душу.

Вовсе нет. Беглец прячется в пещерах Алмазных гор, живой и здоровый. Ильзу привезёт его в столицу, Йонг доставит ему людей. Вместе они отстроят чосонский флот.

– Вы же и сами знаете, что держать в строгой тюрьме иноземных торговцев – пустая трата королевской казны? – спросила она у капитана.

Тот, хоть и пустил неудобных гостей в укрытие, не подал горячего бульона, чтобы скрасить им холодный вечер. Не располагая благосклонностью капитана, Йонг следовало бы закончить препиранья с ним ещё час назад, но она ходила по тонкому льду, выверяя, насколько капитан был лоялен к иноземным узникам. Ломать стены, чтобы вызволить нужных людей, не входило в её планы.

– Я служу королю и выполняю его приказы, – ответил капитан. – Задаваться вопросами в мои полномочия не входит.

Глупец. Лентяй. Или же человек долга?

– Йонг! – позвал Рэвон. – Сон Йонг, к чему это представление? Едем отсюда, потом вернёмся с приказом его высочества.

– Величества, – тем же тоном поправила Йонг. – Он теперь король, а у нас нет времени на путешествия до столицы и обратно. Мне нужны эти люди *сейчас*.

– До сегодняшнего утра ты и знать не знала, что окажешься в этом месте, зачем тебе несчастные узники?

Капитан слушал их внимательно, но без энтузиазма, как человек, следующий букве закона – и только. Йонг окинула его быстрым взглядом и схватила Рэвона под локоть, чтобы отвести в сторону. Говорить всё начистоту Рэвону тоже не стоило, но теперь *он* был тем, кто устроил истерику прямо на глазах стражи.

– Мне выпал хороший шанс, и я не хочу его упускать, – зашептала Йонг, склонившись к Рэвону. Тот держал Харин рядом, будто не хотел отпускать её от себя. – Я не заметила в тюрьме слуг, так кто такая Харин? Откуда она?

Та подняла голову, чтобы ответить, но Рэвон сжал её плечо, вынуждая молчать.

– Не хочешь отвечать? Вот и я не могу раскрывать тебе всего, что знаю.

– Сон Йонг... – Рэвон выдохнул, провёл рукой по усталому лицу. – Нам с тобой лучше не ссориться, *хубэ*⁹. Сейчас мы на одной стороне и цель у нас одна.

Йонг сделала шаг назад – прочь от Рэвона, – зло, неприятно улыбаясь.

– На одной стороне? Только вчера ты обвинил меня во всех грехах, повесил на меня смерти прошлые и будущие... – Она дернула губой, покосилась на нервного Хаджуна в стороне от неё, Рэвона и капитана. В одном сонбэ был прав: разыгрывать представление перед невольными зрителями было незачем. – Очевидно, у нас разные цели. И мотивы разные. Сейчас мы с тобой движемся по одной дороге, но кто знает, как скоро они разойдутся? Не считай себя всеведущим, Рэвон-сонбэ. Ты далеко не единственный, кому известно больше, чем он говорит.

Рэвон хотел возразить, но Йонг схватила его за руку, не дав произнести ни слова.

– Ты сказал, у тебя есть причины поступать так, как ты поступаешь, и не отвечать на мои вопросы. Но ты же просил доверять тебе хотя бы до прибытия в Хансон. Соглашение работает в обе стороны, Рэвон-сонбэ. Я поступаю так, как считаю нужным. Совсем скоро этот вопрос разрешится, и мы поймём, можем ли двигаться дальше без опасений.

– Что ты задум...

Он не успел договорить: капитан Кан, видно уставший от их споров, решил остановить их самостоятельно.

– Обычно мы не принимаем гостей. Я готов разместить здесь в комнатах Хранителя Дракона, но не всех женщин севера.

Йонг повернулась к нему всем телом, скривила губы.

– Нас тут всего двое, а это далеко не все женщины севера. Но раз вы снисходительны к Хранителю Дракона, может, окажете услугу и девушке из Священного Города?

⁹ Обращение старшего коллеги к младшему по корейскому этикету.

Она поморщилась: называть себя опостылевшим прозвищем и навлекать больше проблем, чем пользы, было неосмотрительно при других обстоятельствах. Но сейчас Йонг знала: её выбор определяет судьбу этого странного места.

Рэвон выругался сквозь зубы, ахнула Харин. Капитан Кан, несколько смутившись, прищурился.

– Мало кто готов называть себя проклятым именем, – произнес он задумчиво. – Уверены, что хотите запомниться мне именно так?

– У меня нет цели стать вашим другом, – отрезала Йонг. – Всё, чего я прошу, – это место для ночлега, чистая вода и еда для моих людей.

– Это уже много, – процедил капитан, но всё же согласился: махнул рукой в сторону арки, кинул туда же короткий приказ. – Оставайтесь здесь. Мужчины могут расположиться в такой же комнате южной башни. Всего лишь на день я дам вам крышу над головой. Завтра к ночи вы должны покинуть безымянную крепость.

Значит, он ждет ответа к ночи. Капитан Кан, вас прочитать легче, чем открытую книгу... Йонг вежливо поклонилась и выпрямилась только тогда, когда шаги капитана стихли за аркой.

У нее ровно день, чтобы найти иноземцев и выяснить, как их можно освободить.

Ночью Йонг не спала – следила, когда стражники у комнаты уйдут спать, и говорила с Харин, пока другие не вернулись на их место. Та рассказала об узниках, которые Йонг так интересуют. Оказывается, других преступников тут не держали, только иноземцев, что коротали срок уже лет пять, с окончания первой войны Чосона и Японии.

– Некоторые выучили наш язык и иногда со мной разговаривали, – поделилась Харин. – Я носила им еду, пока жила тут под присмотром капитана Кана.

– Они рассказывали, за что их посадили в тюрьму?

– Нет... – Харин повела плечами от холода, которого Йонг не чувствует вовсе. – Мне запрещено было об этом спрашивать.

– Но ты знаешь, что они неопасны?

– Сэ, сыта-голь. Ни один из иноземцев не показался мне опасным преступником, который заслуживает такой тесной камеры в духах забытом месте.

То, как Харин высказывалась, наводило на мысли, что прежде она вела разговоры с каким-нибудь высокопоставленным аристократом с должным образованием. Простые служанки не говорили с Йонг, используя сложные конструкции и поминая Великих Зверей через слово. Простым людям вообще редко доводилось вспоминать о Великих Зверях, разве что в дни несчастий.

– Знаешь, когда с ними можно будет поговорить? – спросила Йонг, кусая уголок губ. Все раны, полученные той кровавой ночью, уже затянулись на её теле, только нежную кожу шеи всё ещё щипало от масла из факела Феникса. Кожа там была сухая и сморщенная, как у старухи, и Йонг смачивала её слюной за неимением лекарственных примочек Чжихо.

Харин смотрела на Йонг не мигая, будто пыталась разглядеть, что прячется на дне её глаз, холодное и горячее одновременно. Желание, должно быть. Йонг все дни в пути до безымянной крепости думала лишь о том, с каким удовольствием она вопьётся ядовитыми зубами в шею Лю Соджоля, когда встретит его. С какой яростью разнесёт дворец, в котором поселился секретарь

Императора Мин. С каким облегчением разрушит всё, до чего успели дотянуться коварные руки Империи.

– После того как капитан Кан получит разрешение от его величества?... – неуверенно спросила Харин. Глаза Йонг блеснули после этих слов, и служанка прижала холодные пальцы ко рту. – Сегодня ранним утром, возможно. Если на смене стоят господин Бэк и господин Ин, то у вас будет время. Господин Бэк и господин Ин часто задерживаются при смене караула.

Йонг кивнула, снова потянувшись ногтем к губе. Ныли зубы, тянуло челюсть – должно быть, имуги, чувствуя прилив сил после прошлой ночи или же ощущая на землях безымянной крепости благодатную энергию Жёлтого Единорога, дающего силу металлу, хотел свободы. В теле Йонг ему становилось тесно, он мечтал вырваться за его пределы и растянуть весь свой длинный змеиный хвост.

– Покажешь камеры иноземцев, с которыми можно поговорить, – не попросила, приказала Йонг. Борьба со злостью, которую она вела внутри себя все эти дни, не давала сосредоточиться на редких разговорах полностью, злила ещё сильнее. Харин, кажется, от испуга даже не стала ничего говорить.

Эта осторожная девушка боится Сон Йонг? Пусть. Наименьшую из проблем можно решить и позже.

В итоге Харин выполнила приказ, храня вежливое молчание. Либо стеснялась расспрашивать, либо понимала, что ответов не получит, либо боялась сыта-голь с глазами имуги даже после проведённой вместе почти бессонной ночи в одной комнате. На рассвете Харин повела Йонг из надвратной башни, как только охранявшие их стражники покинули пост, чтобы отдохнуть.

Чем больше времени Йонг проводила в безымянной тюрьме, тем больше понимала, что слухи о ней преувеличены. Стражники, с виду казавшиеся грозными и несговорчивыми, на деле вели себя расслабленно, и даже незваные гости их не смущали. Капитан Кан не показывался с вечера, хотя предупреждал, что будет следить за Хранителем Дракона и его спутниками. До нужных камер Йонг и Харин добрались, никого не встретив по пути, и это тоже говорило о безразличии стражи к узникам.

Если всем плевать на запертых в камерах людей, зачем ради них содержать целую крепость? Йонг спросит об этом Рэвона, как только они выберутся отсюда.

– Это здесь, госпожа, – прошептала Харин, ткнув в проход между крепостной стеной и рядом камер, тянувшихся по западной стороне двора. Йонг кивнула ей и рукой показала на надвратную западную башню: с неё хорошо просматривался проход, в тени которого Йонг стояла, но сейчас наблюдательный пункт пустовал. Как, впрочем, и все остальные.

Странное это было место, безымянная крепость...

Харин уверенно кивнула и осталась стоять в начале ряда, а Йонг, трогая стены, чтобы в рассветном полумраке не наткнуться на камни, шла вдоль камер, выискивая первые решётчатые окна и узников за ними.

В первой камере человек спал, во второй их было сразу двое, и оба слышали Йонг ещё до того, как она появилась в квадрате слабого света: Йонг заглянула внутрь, сразу же наткнувшись на две пары насторожённых глаз. Узники были худые, но тепло одетые. Несмотря на нездоровую бледность лиц, Йонг заметила, что кожа у них была смуглая, серо-жёлтого цвета, напоминающая нанмён ¹⁰, а глаза – широкие, светло-карие. У обоих узников были длинные волосы и густые бороды, какими не могли похвастаться чосонцы.

– *Мухер!* ¹¹ – воскликнул один удивлённо и радостно одновременно. Йонг мысленно прокляла его звонкий голос. Она прижала палец к губам, бросила на мужчин умоляющий взгляд. В

¹⁰ Корейский холодный суп на мясном бульоне.

¹¹ Женщина! (португальск.)

отличие от Харин и капитана Кана, боязливо косящихся на глаза Сон Йонг, иноземцы не испугались её, только подползли к окошку поближе, протягивая руки на воздух сквозь решётку. Йонг отпрянула, шикнула.

– Говорите по-чосонски? – выдохнула она в холодный воздух еле слышно. Мужчины расплылись в широких улыбках. Их ворчливый командир, которого Йонг посчастливилось встретить в пещерах несколько недель назад, ругался хуже собаки, эти – радуются. Только бы вели себя тише.

– Говорим, *бэла*¹². – Один потянулся через решётки, пальцы махнули по воздуху и замерли в одном вдохе от лица Йонг. Она отпрянула, рассердилась не к месту.

– Почему вас тут держат?

Иноземцы тут же заметно сникли. Переглянулись между собой, почесали щёки. Тот, что тянул к Йонг руки, заговорил снова:

– Тебе зачем, *бэла*?

– Хочу вытащить вас отсюда. Не безвозмездно, но... – Йонг шагнула ближе к решётке. – Если вы те, о ком я подумала, то мы сможем помочь друг другу.

Они долго молчали. Щурились, щёлкали языком, глядя Йонг в глаза. Она не знала, видят ли эти люди в ней угрозу или присматриваются, гадая, как много можно ей доверить. Наконец, с ней заговорил второй:

– Нас сюда вместе с *капитэ*¹³ отправили. Сказали тогда, виноват один – виноваты все. Мы только его *мухер* хотели помочь, а вышло плохо. Его казнить должны были, а нас выслать. У короля *бруша*¹⁴ была, она сказала, чтоб нас вместо этого всех выслали из столицы. Сюда отправили.

Он коверкал звуки, те из его рта выливались, булькали, как вода. Йонг вслушивалась в изменённые акцентом слова и хмурилась, пока иноземец говорил спокойно и медленно, будто давно ждал, чтобы его послушали.

– А ваш капитан, – спросила Йонг, когда иноземец замолк, – он сбежал?

– Да, *бэла*. Мы ему бежать помогли, сами остались. Говорят, умер он.

Тут оба узника переглянулись и одинаково повесили головы. Йонг схватилась за железные решётки голыми пальцами.

– Он жив. Не так давно мы столкнулись в горах, он помог мне и моим людям.

Иноземцы выругались на португальском, по тону Йонг поняла, что они радуются, а не злятся за то, что командир бросил их в тюрьме, когда сам оказался на свободе.

– Ай, *бэла*! Хорошие новости принесла! – Их глаза заблестели в бледном рассвете, ранние солнечные лучи тронули густые, с проседью, волосы.

– Если я вытащу вас из крепости, пойдёте со мной? – уточнила Йонг, чувствуя, как её саму заполняет радость. Хоть что-то удачное подвернулось ей на пути к столице. Узники покивали.

– Отведёшь нас к *капитэ*? Тогда пойдём.

Йонг кивнула. Оглянулась на Харин, убеждаясь, что их всё ещё не засекли в неподобающем месте стражники, и протянула руку сквозь решётки окна, ловя худые, сухие пальцы узников. Сначала один коснулся её кожи, потом второй – схватил за запястье, притянул к губам и смазанно поцеловал. Йонг подавила в зародыше возмущённый вскрик. Люди из жаркой страны не знают приличий. Правильно ли Йонг поступит, если вызволит их из плена? Она решила, что подумает об этом уже после того, как освободит узников.

¹² Красавица (*португальск.*).

¹³ Капитан (*португальск.*).

¹⁴ Ведьма, колдунья (*португальск.*).

– Передайте остальным, что Сон Йонг из Ордена Белого Тигра вытащит вас из крепости, – сказала она и ушла, не заметив, как вытянулись в неприятном удивлении лица иноземцев.

Оставалось дожидаться сообщения от капитана Кана, чтобы понять, сдал он Йонг Империи или же, как и обещал, отправил письмо в Хансон. На его счёт Йонг не была уверена и пока не знала, подтвердятся её догадки или же капитану Кану можно будет доверять.

Кормили тут просто, но сытно. Харин поведала, что весь месяц, проведённый в крепости, не голодала, как и узники, которые жаловались, похоже, только на одиночество и однообразные дни.

Их могли бы отправлять на разработку горных рудников или очищение дорог – обычно, как Йонг слышала, ссыльных на острова заставляли работать наравне с рабами. Но узников крепости держали в камерах, никуда не выпускали, а на прогулку под открытым небом выделяли по два часа в сутки под присмотром стражников.

Йонг всё больше убеждалась, что само существование крепости было странным, необъяснимым фактом, но чем больше задавала вопросов Рэвону, тем меньше получала ответов. Он злился весь день, не зная, чего ожидать.

– Нас поймают люди Империи, если будем тут прохлаждаться, – предупредил он к вечеру, когда на крепость опустилась зимняя тьма и гостям принесли ужин в комнату надвратной западной башни. Йонг кивнула, не выказав удивления.

– Да, так и есть. Но давай подождём немного.

– Чего? Лю Соджоля верхом на лошади? Твоё промедление мёртвых не вернёт, Сон Йонг! Твоя месть ничего не решит!

Йонг бросила миску, та проскользила по неровному деревянному столу и упала на циновки. Хаджун, охнув, поспешил отодвинуться, Харин поступила так же.

– Те, кто виноват в смерти Юны, моего *мэитреннима* и принцессы Юнмень, понесут наказание рано или поздно! – процедила Йонг, давя звуки между зубов. От сдерживаемой все эти дни ярости те удлинились, иногда говорить Йонг было трудно.

– И ты хочешь приблизить их кончину, – не испугавшись, рявкнул Рэвон. – Не тебе решать, жить они будут или умрут. Не ты должна играть с чужими судьбами.

– Чья бы собака лаяла, а твоя бы молчала, сонбэ.

Они уставились друг на друга, одинаково злые и уставшие. Глаза Йонг могли заморозить кровь в чужом теле, но Рэвон махнул рукой и отвернулся.

– Делай как знаешь. Я тебе не советчик и не учитель.

– Рада, что ты наконец это понял.

– Только, хубэ, не рыдай, когда снова очнёшься по горло в крови, – добавил Рэвон. Хаджун неодобрительно качнул головой.

Словно в подтверждение этих слов, за каменной стеной крепости загудело – загорелись огни на западной башне, окрашивая фигуру Рэвона перед глазами Йонг в оранжево-жёлтый.

Йонг вздохнула. Она не сильно надеялась, что капитан Кан, сторожащий никому не нужную крепость на севере страны, будет ярым сторонником королевской власти. Но то, как быстро он решил отдать свой голос Империи, вызвало вспышку бессильной злости.

Йонг больше никому не может довериться. На севере страны не осталось людей, что готовы отстаивать интересы столицы.

– Открыть ворота! – скомандовал капитан, стоя во дворе, и его люди, перебросившись тревожными фразами, кинулись выполнять приказ.

– Кажется, это за нами, – сообщил Хаджун, прислушиваясь к шуму снаружи. – Капитан-крыса послал весть в Хэнджу, а не в Хансон.

Харин ахнула в голос, вцепившись в рукав Рэвона.

– Неудивительно, – зло сплюнул Рэвон. – В этой крепости стражники умеют различать Ци стихий, а от тебя за несколько бу¹⁵ несёт Ци металла! И глаза твои... Не надо было соглашаться и брать тебя сюда, ты нас только выдала!

– Помолчи, – рявкнула Йонг. Она и без Рэвона понимала, на какой риск идёт. Ей нужно было убедиться, что ни капитан, ни его люди не испытывают никаких угрызений совести, отдавая змею-предательницу в руки Империи. Всем здесь, на севере, управляла теперь Империя. Так какой смысл беречь людей, что сдались на милость чужому правителю?

Пятый день Йонг ждала момента, когда сможет выпустить гнев на тех, кто был хотя бы причастен к гибели Юны, принцессы и, надо полагать, её единственного *мэитреннимы*.

– Сон Йонг? – позвал Рэвон, в голосе Йонг услышала не прежнюю злость, а неуверенность. – Нам пора убираться отсюда, если хотим выжить.

– Идите, – выдохнула она, ощущая, как кончик языка трогает воздух, пахнущий гарью. Жжёный абрикос, вот что давило на змея внутри её. Верно он подметил: в этой крепости не было и намёка на Ци металла, тут не почитали Белого Тигра.

– Сыта-голь? – окликнул её Хаджун. – Я выведу вас, пойдёмте вместе.

– Нет. – Йонг махнула рукой, на которой уже лопалась кожа. Злоба на всё человечество прорывалась в ней вместе с очередным рваным вдохом. – Я дала капитану Кану шанс остаться хорошим человеком. Он его не принял.

– Йонг, не надо.

– Он за это поплатится, – продолжила Йонг, не слыша Рэвона. Ахнула в испуге Харин. – Идите к камерам иноземных узников, держитесь стен. Отметьте ту, у которой укроетесь, кровью.

Рэвон выругался на *ёнглинь*, схватил Харин за руку и повёл прочь из башни. Хаджун шёл впереди, и когда он скрылся в тени за аркой, Йонг услышала звон мечей. Два стражника безымянной крепости, в которой, как оказалось, не было никаких опасных преступников, выступили против воина дракона. Сейчас за своих людей Йонг могла не переживать.

«За нами явились-с-сь враги, – прошипел имуги, услышав ржание лошадей и голоса людей, раздающих команды на свистящем языке Империи Мин. – Мы с-с-сможем отомс-с-стить».

Хотя бы в этом Йонг могла поблагодарить змея. Тот был опасным, хитрым существом для неё в первую очередь, но понимал ли это капитан Кан, решивший, что она не сумеет уйти из его крепости живой? Нет.

Понимали ли это люди Империи, оккупировавшие Хэнджу? Нет.

И Лю Соджоль, этот предатель, не имел ни малейшего понятия, с кем связался и чью кожу окропил старым маслом. Следующая встреча с Йонг будет для него последней.

Надеюсь, мой дорогой друг, вы крепко спите и считаете дни до нашего свидания.

¹⁵ Древнекитайская мера длины, равна примерно 1,5 метра.

В безымянную крепость за ней явился не сын советника Восточной Фракции, такой удачей Йонг похвастаться не могла. Тем не менее она рассчитывала, что сегодня сможет оставить этому трусу весточку.

Она выдаст себя, за ней придут новые люди Императора. Пусть приходят.

Йонг была безрассудна и вела себя безответственно. Но пустоту, которую она почувствовала ранним утром четвёртого дня нового года, не могло заполнить ничего, кроме гнева, и сейчас ему нужен был выход.

Вчерашним утром, она знала, казнили Лан. Словно из тела вытянули нить, связывающую Йонг с её строгим мастером, лишили опоры. Сон Йонг стала последней мудан Ордена Белого Тигра. На правах занимаемого ею места она решила действовать по-своему.

3

Густую холодную ночь раскрашивали яркие оранжевые огни факелов, освещающих периметр крепости, и горящие костры на надвратных башнях. Витающее в воздухе напряжение в воображении Йонг превращалось в игру на каягыме¹⁶, протяжную, нервную. Из окна северной башни Йонг видела, как отпираются тяжёлые ворота южной стены и внутрь вползают, будто нехотя, пехотинцы в турумаги цвета пепла и всадники в одеждах красных, точно кровь, цветов. Имуги зашевелился, чувствуя, как растёт в теле ярость, вспыхивает, подобно огню.

– Здесь и чосонцы, – прошипела Йонг. Она упиралась руками в каменный выступ окна и даже не замечала, как лопается кожа на пальцах и запястьях. Под ней уже блестела змеиная чешуя, от холода сводило изменяющиеся суставы и ныли удлиняющиеся с каждым вдохом когти.

«Не вс-с-сё ли равно, кто с-с-свой, а кто чужой? – самодовольно заявил имуги. – Они вс-с-се тебе враги и хотят убить».

– Верно, – со злостью ответила Йонг. Та застлала глаза и мутила разум: до того, как ушли Рэвон, Хаджун и Харин, а ворота крепости с грохотом распахнулись, Йонг думала, что убивать простых людей нет смысла. Она хотела бы отомстить Империи, а не Чосону.

«Но это Чос-с-сон от тебя отвернулс-с-ся, – нащёптывал имуги. – Дворцовые люди превратили тебя в чудовищ-щ-ще».

– Верно, – повторила Йонг ещё громче. – Теперь пусть столкнутся с последствиями.

Она не стала покидать надвратную башню, осталась наблюдать, как спешиваются всадники Империи и человек в зимнем плаще поверх тёплой одежды, сидя на коне, отдаёт приказ пехотинцам. Империя Мин командует Чосоном – вот наглядное тому подтверждение. Йонг выругалась, проникший было во двор ветер подхватил её тихий, гортанный «талыщ-щ-щим» и вынес к людям внизу. Сидящий на коне командир отряда вскинул голову и столкнулся глазами с Йонг.

Он не был напуган, в отличие от пехотинцев в чосонской одежде. Должно быть, ему дали приказ найти убийцу принцессы во что бы то ни стало. Что ему было велено – вернуть змею в Хэнджу живой или мёртвой? Йонг оскалилась потрескавшимися губами, из которых сочилась кровь.

Командир отдал приказ – короткий свистящий звук в сторону своих людей, – и те кинулись запирать ворота крепости. Хотят отрезать имуги путь к отступлению, не подозревая, что организуют свои же похороны... Йонг облизала губы раздвоенным языком и вылезла прямо в окно, свесив ноги с высоты в несколько бу.

– Я догадываюсь, зачем вы прибыли, – заговорила она, глядя сверху вниз на перепуганных воинов. Их было больше двух десятков, глаза разбегались считать головы. Голос ломался, зубы не помещались во рту. – Но с-с-спрошу, чтобы убедитьс-с-ся наверняка: вам нужна я?

– Убийца! – закричал командир, так и не слезший с коня. – От имени его величества Императора Мин ты будешь арестована, обезглавлена и предана огню!

«Понимаеш-ш-шь теперь, эти люди приш-ш-шли мс-с-стить!» – раздался уже в самой голове голос имуги. Йонг медленно выдохнула, собирая в кулак волю и желание обратиться огромной змеей и напугать всех до смерти одним своим видом. Эти люди пришли мстить ей за то, чего она не совершала, но никто из них не покинет крепость просто так, поверив одному её слову.

Значит, не о чем говорить.

«Убей вс-с-сех».

¹⁶ Корейский многострунный щипковый музыкальный инструмент, чем-то похож на гусли.

Перед глазами пронеслась, точно подёрнутая огнём, вся роковая ночь нового года: текущая изо рта кровь принцессы, отравленной чаем, умирающая на руках у Йонг Юна, белое лицо Лан, остающейся во дворце рядом с телами убитых. Нагиль просил Йонг быть осторожной и бежать в Хансон.

«Твоего генерала тоже прес-с-следуют эти люди», – напомнил имуги. Словно оборвалась в груди натянутая струна каягыма, посторонние звуки стихли. Йонг втянула носом плотный воздух вокруг себя, тронула языком витающий над головами людей запах пота и страха.

Когда командир отряда закричал, приказав нападать, Йонг спрыгнула со стены прямо к перепуганным пехотинцам, наставившим на неё длинные копья.

– Я не желаю вам зла, – процедила Йонг, поднимаясь над землёй выше своего роста: ноги её вытягивались, руки вытягивались, Ци металла придавала сил её телу, способному теперь вместить в себя больше, чем она надеялась. – Но ес-с-сли не отс-с-ступите с-с-сегодня, утра вам не видать.

Командир выругался, в Йонг полетела стрела от стражника с надвратной башни – она дёрнула плечом, наконечник стрелы коснулся её по касательной и срезал угол платка на шее. Под ним открылась голая кожа, покрытая змеиной чешуёй от лопатки до самой скулы.

– Что ж, я дала вам выбор, – оскалилась Йонг, и в следующий миг весь двор, силуэты людей и стены крепости подёрнулись перед её глазами алым. Слились в одно: крики боли, страха и гнева.

«Наконец-то».

Рэвон, Харин и Хаджун, постоянно оглядываясь, спустились во двор крепости и обошли два поста охраны, из-за переполюха с прибывшими потерявшей бдительность. Пока Сон Йонг отвлекала командира отряда и его подчинённых, Харин указала Рэвону на ряд камер вдоль западной стены.

– Там, – шепнула она, нахмурившись. – Госпожа хочет освободить узников?

– Я не знаю, чего она хочет, – сердито отрезал Рэвон, – но явно не получит желаемое.

– А?

– Идите вперёд и не задавайте вопросов.

Вопросы отвлекали, сбивали с намеченного пути. С тех пор как Рэвон взял протянутую врагом руку, он приучил себя не спрашивать больше, чем ему положено знать, и говорить меньше, чем положено знать окружающим. От других людей, что попадались ему на пути, он требовал того же: меньше вопросов, больше дела. Такое поведение работало даже с Нагилем в те редкие моменты их встреч, когда оба не наставляли друг на друга мечи. Но ни разу не сработало с Сон Йонг.

Рэвон обернулся, когда услышал за спиной необычный звук: шелестела одежда на ветру и по воздуху растекалось шипение змеи. Из-за стены одноэтажных камер Рэвон мог видеть только широкое окно надвратной башни, с которого за происходящим во дворе наблюдала Йонг. Теперь её не было, зато внизу беспокоились люди и звенела сталь.

– Господин Ким? – подала голос Харин. Рэвон тихо выругался.

– Идём, нас не должны видеть.

Всего пару мгновений, забыв вдохнуть, он задумался о том, что Йонг стоит помочь. Вернуться, отвлечь на себя внимание стражников, ведь их было много даже для имуги: отряд Империи Мин, прибывший ради неё, стражники на стенах крепости, не ожидавшие увидеть сегодня чудовище из древних легенд... *Мёртонь*¹⁷, Сон Йонг нужно было увести из безымянной тюрьмы до того, как она стала просить невозможное у капитана Кана. Нет, её не стоило даже приводить сюда, о чём Рэвон думал?..

О том, похоже, что змей, живущий в Сон Йонг, не даст её в обиду и заодно спасёт Рэвона и остальных. О том, что на землях Жёлтого Единорога, дающего силу Белому Тигру, у Йонг будет больше шансов напитаться нужной ей Ци. Она слишком многое упускала из виду, о многом не догадывалась вовсе. И слишком рано потеряла своего мастера.

Раздались крики, до слуха Рэвона донёсся звук разрываемой ткани, плоти, лопающихся костей.

– Стойте здесь, – велел он Хаджуну и Харин и побежал вперёд вдоль камерной стены, ища проход во внутренний двор. Пришлось оттолкнуться от крепостных камней, взобраться на крышу и уже оттуда, пригибаясь, рассмотреть заснеженную территорию. Рэвон ожидал, что увидит Йонг, окружённую людьми Империи и стражниками крепости, но обнаружил змея, человеческими руками стаскивающего мёртвого всадника с ещё живой лошади.

Святые духи, как он просчитался! Рэвон видел имуги в своём первозданном обличье только единожды, когда Сон Йонг обратилась в Жёлтом море и проснулась посреди битвы у реки Накто. После, по словам Нагиля, она ни разу не сливалась с имуги полностью, её тело всегда оставалось человеческим, и она приходила в себя раньше, чем её разум поглощал змей.

Сейчас в Йонг с трудом угадывалась женщина: её тело вытянулось, из-под подола рваной ханфу волочился по кровавому снегу, смешанному с грязью, змеиный хвост бело-серого цвета, блестящий в редющем свете оставшихся на стенах факелов. Ног не было, руки искривились под неправильным углом, всё ещё оставаясь почти человеческими – с когтями вместо пальцев и чешуёй вместо кожи. Рэвон прищурился, вглядываясь в чужое лицо Сон Йонг. Её шея тоже вытянулась, пасть порвалась до самых скул, волосы слиплись и намокли, и глаза побелели настолько, что были видны даже в страшном полумраке ночи.

Вокруг имуги лежали тела, все всадники Империи были мертвы, и их красные одежды сливались с залитым кровью снегом. С трудом шевелились и ползли прочь еле живые пехотинцы из Чосона. Йонг решила вернуть своим врагам долг самым жестоким способом, выплеснула на несчастных всю боль и теперь не понимала, где находится.

Просвистела в воздухе одинокая стрела, пущенная кем-то с восточной башни. Рэвон дёрнулся было на звук, но не успел даже вскрикнуть, когда острый наконечник впился Йонг в плечо. Она зашипела, почти зарычала не своим голосом, обернулась лицом к стене. Поднялась над землёй, держась на одном хвосте, и впилась в покрытые инеем камни когтями. Неприятно резануло по ушам, Рэвон зажмурился, а когда распахнул глаза, Йонг была уже в окне башни. Раздался короткий вскрик, противно чавкнуло в воздухе.

«Чем дольше она пребывает в теле имуги, – лихорадочно думал Рэвон, – тем труднее ей будет вернуться. Сейчас ночь, время змея, и у Йонг мало сил, чтобы противостоять ему. Соваться к ней после кровавого представления – лишь увеличивать число жертв».

Но Рэвон стиснул зубы и побежал к восточной стене, надеясь, что успеет перехватить озлобленного на всё мироздание имуги до того, как тот захватит тело Йонг насовсем.

Он обещал Нагилю доставить эту безумную в Хансон живой и здоровой и в своём сознании. Ну и дурак. Рассчитывал, что привезёт в столицу живую служанку нового короля и получит его доверие, а вместо этого может потерять главное достояние Чосона – и его же погибель.

¹⁷ Проклятье (драконий язык).

Прежде у него возникали сомнения, так ли опасен имуги в теле Йонг, если он поддаётся её контролю. Теперь, видя, сколько жертв принесло собой одно-единственное пробуждение змея, Рэвон отринул недоверие к судьбе своей бывшей хубэ. Сыта-голь, как же. Женщина, что несёт смерть всему живому, – вот кем она была.

Рэвон перемахнул через заграждение, отсекающее камеры от стены, и прыгнул, цепляясь за выступ окна. Внутри было тихо, откуда-то из темноты слышалось частое дыхание ещё живых людей и шелест – так скользил по полу тяжёлый змеиный хвост. Сон Йонг осматривала погром с видом, в котором с трудом угадывалось самодовольство. Рэвон стоял в тени комнаты, пока змей полз мимо него на лестницу, куда вели две арки. За поворотом прятались двое выживших стражников, перепуганных до немоты; тело капитана Кана лежало лицом вниз на ступенях.

– Зря ваш капитан не дал этой женщине то, что она хочет, – выдохнул Рэвон. У него не было времени на раздумья, сил решать вопрос по-другому – тоже. Он вынул меч и замахнулся. Стражники даже не стали сопротивляться, когда Рэвон одному за другим рассёк обоим плечо и грудь. Имуги внушил им страх такой силы, что они перестали отвечать за себя?

Рэвон смахнул кровь с лезвия меча, блеснувшего в узкой полоске факельного света, и сбежал вниз по крутой лестнице. Ах, Сон Йонг. Строишь из себя Великого Зверя, но только приближаешь судьбу, которую пророчили годы назад. Как бы я хотел оградить тебя от неё.

Ты должна была стать мелкой фишкой в большой игре. Должна была стать сосудом для силы Великого Зверя, который потом сломался бы, не выдержав Ци металла. Теперь ты разрушаешь стены безымянной крепости, что стояла на севере Чосона целый век, никому не нужная. Рэвон вышел на улицу, ведомый шуршанием, скребущим по дощатому полу крепости, по каменным стенам, по потухающим от ледяного дыхания змея факелам.

Имуги выполз во двор, хвостом махнул в угол восточных ворот, и те снесло – Рэвон еле успел отскочить в сторону, заметив, как меняется сам воздух перед ударом хвоста. Верно он понял: стихия Земли, которая насыщала тут каждый бу крепости, давала силы Металлу. С ним крепчал имуги, всё больше злилась Йонг.

Она обогнула ряды камер, словно почуяв кровавый след, которым Харин и Хаджун отметили нужные стены. Рэвон понёсся следом, только в последний миг догадавшись, что задумала Йонг в теле змея.

Следующий удар пришелся в ряды камер, пошатнулась каменная кладка, внутри заголосили живые люди. Проклятье, Сон Йонг!

Хотела ли она сама стать причиной разрушений, или того пожелал имуги, гадать Рэвон не стал: прыгнул в тёмную лужу крови, в один шаг преодолел расстояние до Йонг и, не дожидаясь, пока она обернётся и схватит его за шею когтистой лапой, ударил эфесом меча по шее. Змей зашипел, заизвивался на месте, пытаясь скинуть Рэвона.

– Прекрати, Йонг! – кричал он, пока хвостом имуги крушил стены камер и крепости, не разбирая от ярости, куда стремительно тащит повисшего за спиной Рэвона.

Вдвоём они вывалились за первую стену через западные врата, змей пополз дальше и телом снёс и внешнюю стену, оставив в ней зияющую дыру, сквозь которую внутрь тут же стремительно задул северный ветер.

– Остановись же, *кабракхэ*¹⁸! – вопил Рэвон, цепляясь за плечи Йонг, на которой ещё болтались остатки зимнего плаща. – *Мер'тонъ*, да чтоб тебя!

Он ударил имуги в шею – единственное слабое место на теле змея, – и снова, и снова, пока Йонг, резко выдохнув, не замерла от бессилия. За пределами крепости, сосредоточения Ци земли, имуги почувствовал себя вмиг ослабевшим. Всё тело его застыло, будто закончился воздух в груди, потом выгнулось и повалилось на землю вместе с Рэвоном.

¹⁸ Стерва (драконий язык).

– Плакали мои шансы остаться хорошим человеком в этой истории, – заключил он, ни к кому особо не обращаясь, пока потерявшая сознание Йонг покрывалась падающими хлопьями снега.

Её изменённое тело было тяжёлым, и Рэвон не дотащил бы её самостоятельно, даже если бы был полон сил. Он оставил её лежать на земле и вернулся в разрушенную крепость за остальными. Оглядел усыпанную стрелами и сломанными копьями землю, обошёл остывающие трупы людей. Империя узнает об этом и приведёт по следу Сон Йонг ещё больше людей. Империя задавит Чосон, если молодой король не предоставит голову имуги на пике в качестве извинений.

Сон Йонг, что же ты наделала...

– С госпожой всё будет хорошо? – услышал Рэвон шёпот Харин. Они с Хаджуном показались в проходе между крепостной стеной и камерами, Хаджун, заметив бессознательную Йонг, кинулся к ней, удержав служанку от любопытства. Правильно, незачем ей видеть кошмары, что оставляет за собой имуги.

– С госпожой всё будет в порядке, – подтвердил Рэвон злым голосом. – В отличие от нас, простых смертных, эта тварь переживёт все грядущие беды и будет насыщаться людскими страданиями. Я про змея, – добавил он, видя, как вытягивается лицо Хаджуна. – Нужно забрать Сон Йонг и увезти отсюда. Харин, попроси всех людей покинуть это место! Надо сжечь его, чтобы никто ни о чём не узнал... По крайней мере в ближайшее время.

Проклятье, ещё эти люди... Рэвон понятия не имел, что задумала Йонг, что ей пришлось пожертвовать безопасностью, своей и чужой, чтобы выгрызть свободу этим безымянным узникам безымянной тюрьмы.

«Но раз сыта-голь убила столько людей ради горстки иноземцев, – устало думал Рэвон, – пусть они сами отвечают перед королем».

Они вышли под открытое небо, шурясь и осматриваясь. Рэвон отметил, что никто из них не выглядит слишком испуганным или удивлённым тому, что видит: развороченные стены их тюрьмы, десятки убитых людей. Иноземным узникам, прожившим в стенах своих камер, должно быть, было плевать на то, как много стражи погибло, раз теперь их никто не охранял.

И вот их-то Рэвон повезёт в столицу?..

– Дорога до Хансона становится всё более интересной, – не удержался от ехидства Рэвон. Покосившийся на него Хаджун промолчал, поджав губы. Вдвоём они с трудом затащили тело Йонг, уже наполовину обращённое в человека, на круп лошади. Кажется, это на ней в крепость прибыл командир отряда Империи.

Рэвон равнодушно отодвинул с дороги труп какого-то воина в красных имперских одеждах.

– Надеюсь, все эти люди смогут идти на своих двоих. Нам предстоит долгий путь. А пока... Хаджун, помоги мне сжечь это место.

Великий предел

4

Дорога на Пекин, земли Империи Мин, четвёртый день 1593 года, год Водяной Змеи

Лететь в теле дракона все сутки напролёт было невозможно: ночью сил становилось заметно меньше, их забирал имуги в теле Йонг, а днём Великого Зверя могли заметить. Дракон держался невысоко, огибая горные хребты, и такая дорога тоже заставляла его медлить. На четвёртый день, когда вдалеке показались жилые дома какого-то поселения, Нагиль спустился на мёрзлую землю в лесу и обратился человеком. Голова гудела, мышцы в теле ныли, и кости с трудом вставали на место, щёлкало в пазах суставов.

За время длительного полёта на нём остался целым только плащ и обрывки зимней ханьфу, волосы космами обвисли вдоль скул. Из леса генерал драконьего войска вышел похожим на бездомного, случайно заблудившегося в тёмной чаще.

По расчётам Нагиля, его и Пекин разделяло сейчас полторы тысячи ли ¹⁹, он был где-то в округе Шэньяна, который Дэкван и его отряд проезжали, вероятно, дней пять назад. Если они двигались достаточно быстро, то должны достигнуть столицы Империи уже через день, к полудню. Если Дэкван, следуя указам Нагиля, вёл отряд осторожно и обходил крупные города, то на дорогу до Пекина у него уйдёт ещё шесть дней.

При хорошем раскладе Нагиль успеет нагнать своих людей у границ околостолличных провинций. При плохом – будет отбивать их прямо из рук Императора Мин в Пекине. *Мер'тонъ.*

В сознание через силу возвращались мысли, им нехотя уступали место звериные инстинкты. Нагиль потряс головой, прогоняя оттуда завесу из дыма, и осмотрелся. Он стоял у излучины реки, огибающей полосу леса, перед его взглядом стелилось открытое поле. Холод-

¹⁹ Древнекитайская мера длины, в эпоху Империи Мин равная примерно 450 метрам.

ный воздух колот открытую кожу щёк и шеи, задувал с юга: должно быть, Нагиля занесло в провинцию Бэйчжили и Шэньян он уже пролетел. Голова гудела, сосредоточиться на тёмном пятне поселения сразу за рекой получалось с трудом.

«Скрываешь нас на землях, что нам принадлежат по праву», – откликнулся Дракон Металла в груди Нагиля.

– Это давно... – засипел Нагиль и закашлялся. – Проклятье. Это давно не ваши земли.

«Когда-то были, – согласился с собратом Дракон Дерева. – Тысячелетия назад».

– Тысячу лет назад вы были тут хозяевами или вчерашним утром, неважно, – рассердился Нагиль. – Сегодня нам тут не рады.

Он не ел трое суток и почти не спал. Страх, что он не успеет нагнать Дэквана и обречёт своих людей на смерть, которая и без того отвоевала себе больше жизней, чем должна была, подгонял Нагиля вперёд без отдыха, и теперь этот вынужденный голод давал о себе знать. Коня он оставил на границе с Чосоном и через густой лес, отрезающий две страны друг от друга, прошёл пешком. Тогда, кажется, он ел в последний раз – три дня назад.

Надо поесть, решил Нагиль, заставляя себя отвернуться от светло-серых в свете солнца домов, и пошагал вдоль леса в поисках силков, которые могли оставить тут местные охотники. Поймать и зажарить зайца или белку – вот его задача на ближайший час. Потом – несколько часов сна. Без этих двух дел он развалится на части и не преодолеет больше ни ли пути.

Удача улыбнулась ему почти сразу же: у поваленного ветром дерева обнаружилась сломанная ловушка с птицей с перебитым крылом. Нагиль забрал её с собой в гущу леса и развёл там костёр, оглядываясь, чтобы его не заметили случайные путники.

– Надо было учить хотя бы байхуа²⁰, как советовал Ли Хон, – ворчал Нагиль вполголоса, лишь бы чем-то заглушить сосущее нутро чувство пустоты, от которого не помогло избавиться ни мясо птицы, ни талая вода. Это было ощущение *отсутствия*, и Нагиль знал его слишком хорошо, чтобы противиться тому, как оно заполняет его с головы до ног.

Перевалило за полдень, солнце клонилось к горизонту, пока Нагиль тушил костёр. Надеясь, что в накрывающем лес полумраке его не заметит никто из случайно забредающих ближе к поселениям зверей, он уснул прямо на земле. Стихия Дерева, берущая власть над его телом с вечера по раннее утро, не даст ему замёрзнуть. А ночью он продолжит путь в теле Дракона.

Но у судьбы – или имуги в теле Йонг – были иные планы. Нагиль проснулся, стяхнул с остатков одежды намёрзший слой льда (снег падал и таял на его коже, замерзал на ветру и снова таял) и поднялся. Размял ноги – снова гудели кости, ныли сухожилия. И попытался призвать драконов.

«Лишишь свою женщину силы, – поднял голову Дракон Дерева. – Перетянешь на себя Ци, и её змей ослабеет».

Прежде Великие Звери не предупреждали о подобном, даже ненавидели имуги, если их отношение к змею, породившему Дракона Металла, можно было обозначить человеческим чувством. Нагиль нахмурился, всматриваясь в линию горизонта. Он стоял на возвышении у западной границы леса и не хотел задумываться, почему Дракон решил поделиться с ним опасениями. У него была цель, которая требовала полной отдачи мыслей и Ци. Всё остальное сейчас игнорировалось, даже если приносило боль.

– Почему сейчас? – выдохнул Нагиль, злясь на себя за безволие: одно напоминание о Сон Йонг вносило в и без того хаотичные мысли полный разброд. – Она ещё слишком слаба, чтобы прибегать к силам имуги.

«Ты недооцениваешь змея», – ответил Дракон Металла. В горле заклокотало – то было раздражение Великого Зверя.

²⁰ Разговорный, повседневный китайский язык, противопоставляемый классическому официальному языку.

«Он хочет себе всё Ци, что есть в мире, – добавил Дракон Дерева. – Тратит его бездумно, безответственно. Он – разбитый сосуд, сквозь который утекает в небытие энергия мира. И он хочет получить её всю, без остатка».

«Доверься мы тебе, ты не удержишь в нашем теле чужую Ци. Отдашь её змею».

Существование имуги – ошибка вселенной. Случайность, которой быть не должно ни в мире Нагиля, ни в прежнем мире Сон Йонг. Нагиль знал, что вдвоём они ходят по грани, и каждый раз пользовался отведённым ему временем и силой с оглядкой на имуги.

Он держал один конец нити, Йонг – другой. Они тянули её друг у друга из рук, порой это противостояние было невыносимым, и проще было отпустить узел, чем держать из последних сил при себе. Но если бы Нагиль отпустил нить, отдал Йонг целиком, Ци Металла, что перешла бы в её тело, разорвала бы её на части. Но и забрать всё, освободив Йонг от имуги, Нагиль не мог: змей врос в неё так сильно, что, лишив его Ци, Нагиль убил бы и свою женщину.

Полгода назад Мун Нагиль нарушил баланс мира, проведя запретный ритуал, что вернул ему Йонг. С тех пор он расплачивался каждодневным страхом, что не успеет спасти её во второй раз, что сам станет причиной её смерти.

Лан сказала однажды, что он смотрит не туда. Нагиль не понял, о чём она предупреждает его, а теперь спросить было не у кого.

Воспоминание о мудан отозвалось тупой болью в груди. Нагиль сжал края зимнего ханьфу, истрепавшегося от нескольких обращений в Дракона, и повернулся лицом к горному хребту, покрытому снегом, за которым скрылось солнце этого дня. Ночью в горах опасно и холодно, и даже у *ёнгданте* было больше шансов сорваться в пропасть, переломав себе все конечности, чем добраться до вершины горной цепи невредимым. Придётся идти вдоль реки до самого утра, а там – молиться Великим Зверям, чтобы жители ближайших поселений не заметили, как одиноко идущий по заснеженным полям путник превращается в чудовище из легенд и взмывает в небо.

Нагиль прикинул время, за которое он преодолеет расстояние до первой горы и сможет спрятаться за её склонами от глаз случайных зрителей из деревни на востоке, и вздохнул. Ничего не поделаешь, Мун Нагиль. Ты разделил с женщиной из другого мира Ци и теперь зависишь от неё не меньше, чем она от тебя.

Никогда ещё дорога по снежному полю не тянулась так медленно, а ночь не покидала Чосон так долго... Он шёл до тех пор, пока горячее дыхание, насыщенное Ци Дерева, выпаривало с кожи солёный замёрзший пот, пока ноги, тонущие в снегу, сами его топили, и от жара тела хрустела под ступнями галька с берега реки.

Предыдущие дни дались Нагилю проще: он почти всё время был Драконом, обращался ранним утром на несколько часов пустого сна и снова возвращался в звериный облик, который допускал так мало человеческого сознания, что Нагиля хватало только на главную цель его путешествия. Нагнать отряд Дэквана, повернуть их вспять до того, как двор Императора Мин поймёт, что порог ему обивает не просто чосонский капитан с предателем из Хансона, а приспешники главного врага Империи, человека, что, по слухам, убил любимую дочь Императора.

Нагиль обходил жилые селения, но знал, что сплетни и пересуды долетят до Пекина раньше Дракона. Знал также, что в столицу Империи послали гонца с ужасными новостями, но не мог искать его и останавливать самостоятельно: это только доказало бы вину Чосона.

Сейчас, пока Нагиль шёл, перебирая усталыми ногами по мёрзлой земле, образы, один другого мрачнее, опутывали сознание и мешали смотреть вперёд. Голову забивали мысли, свойственные не уверенному в силе Великому Зверю, а человеку: страх перед будущим, сомнения в собственном выборе... Доверял ли Нагиль Рэвону, раз оставил на его попечение Сон Йонг сразу после роковой ночи в Хэнджу? Мог ли сказать уверенно, что брат не предаст его снова, не сдаст Сон Йонг своему генералу? Хватит ли Нагилю времени, чтобы догнать Дэквана? Смогут ли они вернуться на родину после?

Нагиль не мог, *не имел права* потерять своего главного воина, лучшего мастера мечей в Чосоне и, возможно, в Японии и Империи Мин. Нет. Он не мог лишиться друга.

Нагиль остановился перевести дух, крепко зажмурился. Тьма ночи была такой непроглядной, что казалось, будто он идёт вперёд наугад с закрытыми глазами. Если бы не драконье зрение и чутьё, он давно потерялся бы.

Давящая тишина обволакивала тело в такой плотный кокон, что мешала дышать, и из самого нутра Нагиля, из той глубины, в которую он погрузил воспоминания о былом и с тех пор не смел заглядывать, в голову лезли непрошенные образы. Дни, когда Нагиль и Рэвон учились у мастера Вонгсуна и мастера Го, Дракона Воды и его Хранителя. Дни, когда Нагиль и не думал о том, что на его плечи ляжет тяжёлая ноша защитника всей страны. Дни, когда о войне думалось как о чём-то героическом и далёком, почти святом... как о грандиозном событии, которое возвысит смелых и сожжёт в пепел трусливых, принесёт славу и почёт благородным и смерть – подлым.

Кто же знал, что на деле война мешала святым с грешниками, чистых с грязными, своих с врагами. Война осталась грандиозным событием, но обнажила не только благородные мотивы и правильные решения людей, которым Нагиль никогда не верил, но слабость духа и подлость души тех, кого *ёнгданте* считал другом и братом.

Кто знал, что война разведёт его с Рэвоном по разные стороны? Черта, которую *хён*²¹ провел между ними, сейчас стиралась только благодаря Сон Йонг. И из-за неё же могла превратиться в точку невозврата.

– Останься в живых, – сказал Рэвон перед тем, как они с Нагилем разминулись на перепутье заснеженных дорог: одна вела к Пхеньяну, вторая уводила к границе Чосона с Империей Мин. – Вернись, чтобы мы смогли исправить то, что натворили.

Должно быть, *хён* говорил о себе. Нагиль помнил, как сильно Рэвон не любил признавать себя виноватым. Понимал ли он, что их разлад – дело рук его самого?

– Верни Сон Йонг в Хансон, – ответил Нагиль и повернул коня на север. – Если она погибнет, всё будет напрасно.

В тот момент он понял, что повторяет давние слова Лан, и невольно усмехнулся, отметив насмешку судьбы.

«Будьте живы, – упорно думал Нагиль теперь, всё больше чувствуя жар в теле. – Будьте живы, оба».

Когда занялся рассвет, Нагиль без сил привалился к горному склону, мягко уводящему тропу к вершине. Жар ослаб, кровь бежала по венам медленнее – ночь сменялась днём, время имуги, а вместе с ним и его сила, истончались, точно нити в ткани ханьфу на Нагиле.

Он размотал остаток плаща, отбросил его за спину, чтоб не душил шею, и втянул носом ледяной зимний воздух, чувствуя, как тот наполняет лёгкие.

²¹ Обращение младшего брата/друга к старшему по корейскому этикету.

«Дух твоего друга уже покинул этот мир», – сообщил Дракон Дерева. Нагиль и сам это понял, ощутил тоску, кольнувшую сердце. Лан казнили во дворце Хэнджу, на главной площади, должно быть. Нагиль старался не думать о том, сколько страданий шаманка вынесла за эти долгие дни, что для него слились в один, бесконечный и бесполезный, но этой ночью в полной мере осознал, что она умерла и отдала свою жизнь за дело, в которое верила.

«Жалеть себя – предавать память о тех, благодаря кому ты ещё жив», – заметил Дракон Металла. Великие Звери не ведали сострадания или страха, им непонятны были человеческие эмоции. Сейчас же – Нагиль позволил себе глупую мысль – они всё-таки утешали его.

Проклятье, он столько потерял в этой жестокой войне. И столько же ещё потеряет.

Сжав зубы, Нагиль пропустил сквозь себя холодный воздух. Тот опустился на дно его дань-тяна, завихрился там и погнал Ци по внутренним органам, медленно изменяющимся под действием силы Дракона.

Новый день обещал ему новые хлопоты, но на жалость к себе времени не было. Нагиль обернулся Великим Зверем и поднялся вдоль горного хребта навстречу восходящему за ним солнцу.

Дракон плыл в течении воздуха, который его огромным телом ощущался всего лишь вечерней прохладой. Далеко внизу тянулись земли, от которых пахло рисом и пеплом, абрикосовым цветом и сливовым деревом. Это были большие земли, хранящие древние знания, помнящие других Великих Зверей и другие времена – те, когда люди почитали своих богов и подчинялись их воле, а не пытались усмирить то, что им познать было не под силу.

«Значит, всё правда, – отзывался глубоко в теле Дракона генерал слабых людей. – Когда-то вы пришли в Чосон с большой земли».

«Ты ошибаешься, – возразил Дракон Металла. – Но всё же ты прав».

«Твой *мэитренним* знал это, нашёл в старых источниках упоминания о древних богах Империи, – добавил Дракон Дерева. – Твой *мэитренним* был мудрым человеком, не в пример тебе хладнокровным. Знал, когда стоит говорить, а когда – молчать».

«Мастер Вонгсун интересовался прошлым гораздо больше, чем настоящим, – ответил генерал трусливых людей, и в отголосках его сознания Дракон почуял злость и обиду. – Но я не виню его».

«Винишь, – выдохнул Дракон Металла в проплывающее мимо облако. – Злишься. Считаешь своё положение несправедливой участью, забывая, что именно оно позволило тебе получить власть, силу и положение. Вы, смертные, цените эти незначительные вещи больше, чем жизнь».

Дракон Металла хитрил, провоцировал своего человека, в теле которого вынужден был обитать с момента коварного шаманского ритуала. Он знал, что *сосуд*, что ему достался, генерал Мун Нагиль, был лучше многих людей своего поколения.

Это был человек чести и слова, и он держал обещания не только и не столько из-за страха быть уничтоженным драконовым пламенем изнутри. Он понимал цену действию и умел вести за собой других.

Но в противовес его хорошим качествам Дракон ставил другие, низменные. Сомнения в собственных силах. Необузданные страхи и ночные кошмары, что преследовали генерала в моменты слабости. Страсть, затмевающая разум. Гнев, лишаящий рассудка. Этот человек был вспыльчивым и ведомым, если дело касалось его личных чувств.

С тех пор как генерал людей Чосона стал ставить вперёд страны женщину, он раз за разом доказывал Дракону, что занял не своё место.

«Ты повторяешь судьбу своих предков, генерал Мун Нагиль, – задумчиво протянул Дракон Дерева. – Ты отказываешься от величия, которое мы можем тебе подарить, в угоду сердечным мукам, что не принесут тебе ничего, кроме горя».

«Ты толкаешь нас по пути наших предшественников», – добавил Дракон Металла.

Он помнил времена других Великих Зверей и других сражений в небе и на земле. Помнил, как древние люди возводили огромную стену, защищаясь от внешних угроз. Помнил, как росла та стена год за годом, столетие за столетием, как рушились её башни и возводились снова.

«Жёлтый Единорог сгладил холмы, вдоль которых люди строили эту стену, – выдохнул Дракон Металла. – Белый Тигр помог людям найти руду, достаточно твёрдую, чтобы стена могла выстоять против варварских набегов других народов».

А потом люди прогнали со своих земель Великих Зверей, как выдворяли оттуда врагов. Они возгордились, думая, что обрели власть над самой природой. Великая стена, их зримая, осязаемая защита, стала им важнее поклонения богам, какими раньше они считали Лазурного Дракона и его братьев и сестру. И им пришлось покинуть земли, которыми они правили столетия и тысячелетия.

Великие Звери пришли в Чосон задолго до того, как тот обрёл имя, и стали его верными защитниками и служили его народу, как когда-то служили Империи.

«Но и Чосон предал нас, – протянул Дракон Дерева. – Отнял земли и воду, подчинил себе огонь, лишил горы силы. Вы, люди, отняли у нас всё, а теперь ты, генерал, хочешь, чтобы мы отдали тебе последнее, что у нас есть. *Себя*».

«Неправда, – горячо возразил глупый генерал. – Мне не нужна ваша сила и ваша власть, я прошу у вас помощи – и только!»

«Тебе нужна сила, чтобы защитить Чосон, – согласился Дракон Металла. – Но ты ищешь её ради женщины, чьё существование в этом мире – наглая, возмутительная ошибка».

«Придётся сделать выбор, которого ты боишься, – добавил Дракон Дерева. – Настанет такой момент, слабый, своевольный генерал, когда придётся решать. Твоя жизнь в обмен на спасение Чосона. Её жизнь в обмен на спасение тебя».

Боль и страх, сплетённые воедино в сердце генерала Мун Нагиля, ощутил даже Дракон. Это касание человеческих чувств было непривычным, неприятным Великому Зверю. Он прорычал в воздух, из горла вырвался в солнечный день чёрный столб дыма и искр.

Дракон нырнул вниз, опускаясь к земле. Великая стена, которую он избегал в предыдущие дни, теперь показалась взору из-за нависающих низко облаков восточной заставой, проходом между горами и морем ²². Вдоль неё, скрываясь в тени деревьев, медленно двигался отряд из девяти человек.

«Дэкван», – понял генерал и потянул Дракона к земле.

²² Самая восточная застава Великой Китайской стены носит название Шаньхайгуаньский проход, что переводится как «проход между горами и морем».

5

Путь по имперским землям был куда труднее, чем Дэкван полагал. Обычно *ёнгданте* в политических миссиях сопровождал Чунсок, но с тех пор как в столицу вернулся молодой король, а сыта-голь вновь исчезла, все привычные события стали явлениями настолько редкими, что даже Чжихо ворчал, как скучает по славным сражениям в поле. Чжихо, который избегал битв, утверждая, что воин из него куда хуже, чем лекарь.

Дэкван поводил затёкшими плечами, замедляя ход своего отряда. Они шли несколько дней почти без отдыха, мечтая поскорее попасть в Пекин, но даже короткие привалы не давали им преимуществ: переход через заснеженные равнины чужой страны давался им тяжело. Его люди были неприспособлены к подобным миссиям. Его люди были обучены сражениям на мечах и копьях, стрельбе из лука и приёмам рукопашного боя с использованием Ци, своей и противника. Поход по неприветливым землям в тени редких деревьев, под покровом ночи, изнурял воинов сильнее главной цели их путешествия, хотя та напоминала о себе стонами и ворчанием на чужом языке.

Пленник, которого Дэкван вызвался доставить вместе с генералом в столицу Империи, знал чосонский, даже если первое время делал вид, что не понимает разговоров за костром. Дэкван заметил, как тот поворачивает голову, как смотрит на его людей – он слушал их речь внимательнее иноземцев, ничего не смыслящих в чужом языке.

Уже на второй день пути, когда генерал покинул их отряд, Дэкван приказал своим людям говорить на *ёнглинъ*, если речь шла об их дальнейших передвижениях и планах. Порой слов не хватало – приходилось довольствоваться жестами, мимикой, короткими звуками. На четвёртый день Дэкван осознал, что везёт пленника в Пекин без особой цели.

Их отряд не приняли бы во дворце Императора, не стали бы слушать. *Тырсэгарра* вёл людей на смерть, бесславную и бессмысленную. Ослушаться приказа генерала и повернуть отряд назад? Вернуться в Чосон без решения Императора, подвергнуть опасности свою страну и людей? О таком он даже не думал. Простым воинам не дано право ставить под сомнения приказы главнокомандующих, они делают, что велено, даже если те требуют отдать свою жизнь за такой вздор, как пари короля и его советников.

Высокая стена, о которой в Чосоне только ходили слухи, выросла перед глазами Дэквана и его людей на рассвете четвёртого дня пути. Они шли медленно, обгоняя солнце, держась тени, и всё равно опаздывали: сегодня Дэкван хотел добраться до границ с Империей, отмеченной на карте *ёнгданте*, немного раньше, но в итоге задержал отряд в лесах Чосона, где их неожиданно встретили враги. Небольшой отряд легко одетых воинов, больше похожих на ниндзя, шпионов Японии. Дэкван лично убил троих, ещё пятерых зарезали его люди. Кантэ, которого Дэкван обучал третий год, снова показал себя лучше остальных, но отвлёкся на летящую в командира стрелу.

Дэкван видел глаза человека, который выстрелил ему в грудь. Они встретились взглядами на одно мгновение, после чего шпион, облачённый в чёрное, исчез за стволами деревьев. Единственный уцелевший после стычки с отрядом *тырсэгарра*. Догонять его Дэкван запретил: у них была важная миссия, и столкновение с японскими шпионами в эту миссию не входило.

– Остановимся на привал? – спросил Кантэ. Он тёр раненое плечо, хмурился. Дэкван кинул ему долгий взгляд. – Командир?

– Да, привяжите коней. Трое пусть отправятся на разведку: хочу убедиться, что сторожевая башня пустует.

– Точно ли?

Кантэ склонил голову. Он был чуть младше Дэквана, но, в отличие от командира, под сомнение ставил любой приказ и раздумывал больше, чем следует воину. Дэкван по привычке шикнул на него и послал в наказание с разведчиками на стену.

Сторожевая башня в этой части Империи могла быть разрушена – по словам *ёнгданте*, здесь пролежала старая часть Великой стены, древняя, за которой не следили веками, поскольку строилась она в те давние времена, когда Империю осаждали вражеские кочевые народы. Теперь не было рядом с Империей ни других врагов, ни союзников, только вассалы, народы-братья, которым требовалась помощь.

Дэкван бросил косой взгляд на пленника – тому подавали воду и еду, и он сидел рядом с поваленным деревом, опустив от усталости голову. Тяжёлый это был груз. Человек, живой и безвольный, был тяжелее корзин с урожаем, воза мечей, телеги мёртвых тел. Он замедлял ход отряда *тырсэгарра*, который привык к быстрым коротким переходам. Дэкван вздохнул и тоже опустился на землю, подминая под собой хрустящий на морозе снег.

Его люди устали, он сам устал. Этот путь был долгим, изматывающим, неправильным. Дэкван ждал сигнала от *ёнгданте* или его самого, а пока мог только идти вперёд. Сегодня они отдохнут у подножия стены или в разрушенной башне, если там никого нет. Завтра – отправятся вдоль великого древнего сооружения в надежде, что тропа рядом с ним будет спокойнее.

Пристыженный Кантэ вернулся с разведчиками:

– Там никого нет. Вы были правы, *тырсэгарра*.

Дэкван хмыкнул.

– Сомневайся в словах своего командира, но делай, что велено, – сказал он грубее, чем следовало. Сказывалась длинная ночь без сна. – Твоя задача – крепко держать в руках меч и метко стрелять из лука по цели, что укажет твой командир. Его задача – направить тебя в нужную сторону и отметить мишень для стрелы.

– Сэ, *тырсэгарра*! – Кантэ поклонился и, выпрямившись, снова заулыбался. – Поднимемся вверх?

– Да, только коней накормите.

На отряд из девяти человек и одного пленника у них было всего четыре лошади, одна из которых хромала с тех пор, как они пересекли границу с Империей. Дэкван сам её осмотрел, подвязал ногу, чем нашёл, хотя понимал, что до Пекина животное не дойдёт. Но оставлять её блуждать в чужой стране без наездника было плохой идеей.

На привале разделились: два человека остались внизу со стреноженными лошадьми, другие с пленным поднялись в полуразрушенную башню. Дэкван поставил в дозор ещё двух людей – у входа в башню со стороны старого перехода по стене. Здесь бойницы затёрлись от времени, крепостной вал шириной в несколько бу проваливался местами от старости, камень шатался. Кантэ, исследовавший часть стены, поведал, что нашёл в щебневой яме недалеко от их места привала два мёрзлых трупа годовалой давности – кажется, то были случайные путники или крестьяне, решившие пройти по стене до самой границы с Чосоном в поисках лучшей доли.

– Ты сменишь Гванука в час змеи ²³, – отсёк Дэкван новые восторги своего воина. – Сейчас отправляйся спать.

Сам он пристроился у выхода из сторожевой башни и смотрел некоторое время, как падает с неба снег, укрывая следы незваных гостей в проходе стены. Та тянулась на запад и то взбиралась на холм каменной грядой, то спускалась с него, пропадая из вида. Старым тут было всё, но пахло не древностью, а чем-то пресным, затхлым, что забивалось в ноздри и мешало дышать.

²³ Время с 9 до 11 часов утра по китайскому астрологическому календарю.

Дэкван прислушивался, пока его тянуло в сон, и на границе между явью и первым сновидением осознал, что чувствует смерть. «Много людей погибло, пока возводили стену», – подумал он, падая в темноту.

Его мастер, лучший мечник в Чосоне, учил Дэквана чувствовать Ци не только в людях, но и во всём, что его окружает. За годы своей службы в драконьей войске, куда Дэкван пришёл растерянным и убитым горем после гибели учителя, он натренировал себя настолько, что теперь ощущал даже тонкие изменения в воздухе. Куда тянулись мысли воинов, с которыми он был близок и потому мог распознавать даже их настроения. Какие намерения были у генерала насчёт войска, нового короля, его женщины. Какие страхи испытывала эта женщина.

Дэкван учил её дышать правильно и чувствовать силу, но его уроков было недостаточно, чтобы она поняла, что скрывает в себе не просто опасность, а смерть всему живому. Если не будет достаточно сильной, если не сумеет противостоять соблазнам, что сулит змей внутри её тела, то станет погибелью миру, в который пришла, чтобы его защищать.

«Война – не женское дело», – привычно думал Дэкван, но вслух ни о чём таком не говорил. Он доверял *ёнгданте* и *пуримгарра* и даже, стоило признать это годы назад, доверял Дочерям. Если бы его сёстры пришли в драконье войско, Дэкван погнал бы их прочь, но остальным не смел противиться.

Разбудило его смутное ощущение тревоги: будто сменил направление ветер и теперь доносил до него запах гнили и сырой земли. Дэкван дёрнулся, одним рывком поднял себя с зимнего плаща, на котором спал.

– *Кэмуи пои?*²⁴ – Дэкван вышел из-под дырявой крыши, осмотрелся, щурясь. В посветлевшем небе не было заметно никакого движения, каменная гряда стены тоже была безлюдна. Его воины обернулись, Кантэ откашлялся.

– *Сер арбо*²⁵, *тырсэгарра*, – ответил он.

Дэкван дёрнул головой, щёлкнул языком. Втянул носом морозный воздух, пока разминал плечи. Поспал всего три часа, слишком мало для нового броска на запад...

– Уходим. Сейчас. Поднимай всех.

Кантэ переглянулся с Минхи, вторым воином в его дозоре сегодня, и уныло кивнул.

– Сэ.

Интуиция никогда Дэквана не подводила. Едва они спустились со сторожевой башни и отвязали лошадей, едва отошли на расстояние в несколько ли, как участок стены, на которой они сделали привал, с тихим нарастающим шорохом поехал вдоль склона. Яма из щебня, в которую на рассвете заглядывал любопытный Кантэ, посыпалась на края и окончательно отделила эту часть стены от основного каменного хвоста.

Проклятье, никакого доверия нет таким древностям на чужой земле. Дэкван мысленно выругался, отмечая прежние планы. Построенное на стольких смертях никогда не будет вечным, чем бы оно ни было – ни сооружением, ни государством.

– Идём вдоль стены, – велел Дэкван отряду.

Измученный пленник смотрел на него с неприкрытой ненавистью, но молчал. Такие яркие эмоции спустя две недели пути – должно быть, у него было больше сил, чем он показывал.

– Минхи, – позвал Дэкван воина. Тот сбавил шаг и поравнялся с командиром. – Приглядывай за нашим другом внимательнее. И уменьшите ему порцию.

Минхи присвистнул, но вслух ничего говорить не стал. Эта дорога медленно, но верно выкачивала Ци из всех людей в отряде Дэквана, и винить в этом только одного человека, тем более пленного, не было смысла.

²⁴ Что случилось? (драконий язык.)

²⁵ Всё в порядке (драконий язык).

Теперь Дэкван медлил осознанно. Который день они шли вдоль каменных отвесов, держась деревьев, за кроной которых стражникам на стене было не видно идущих мимо воинов соседней страны. Они миновали несколько пустых сторожевых башен, но чем глубже в Империю забиралась Великая стена, тем живее и люднее на ней становилось. Нужно было уйти южнее, но с той стороны отряд подпирали горы, которых Дэкван не знал. Путь вдоль стены казался ему наиболее простым.

На очередном привале он хотел было провалиться в короткий сон – сменить Гванука ему предстояло после заката, – но что-то остановило его. Дэкван поднял голову в чистое небо, без единого облака, и прищурился.

– Что такое, командир?

– Дыши глубже, тогда поймёшь. – Дэкван отрезал вопросы Кантэ и заскользил взглядом по горизонту. – Мощная Ци ощущается где-то рядом. Человек не обладает таким потоком.

Кантэ был талантливым воином, сильным и храбрым, но лишённым способности видеть то, что видел Дэкван. Свою Ци он взращивать умел, но чужую определить не был способен даже на расстоянии вытянутой руки. Вот и теперь он не понял, что именно к ним приближается, пока не заметил тень, мазнувшую по земле перед ним.

– *Лун*²⁶! – закричал пленник. Дэкван не глядя метнул в него сосновую шишку, и он сел на землю и тут же пополз в тень деревьев, тихо причитая от страха.

Дракон опустился в снег с усталым, тяжёлым рычанием, тут же превращая его в воду жаром своего тела. Дэкван дал своим людям знак ждать, хотя Великого Зверя заметили со стены – не больше пяти стражников ходили вдоль прохода, но к дракону не кинулся ни один из них.

«Донесут дальше, на запад, – подумал Дэкван. – Дойдёт до самого Императора. Не отделаемся одним поклоном, всех казнят».

Когда Дракон исчез, оставляя миру лишённого сил *ёнгданте*, Дэкван уже знал, что весь их план придётся менять.

Генерал сидел, сгорбившись, на поваленном стволе дерева, кутался в одолженный плащ и обрывки своей зимней одежды – чужой, не чосонского кроя, Дэкван смутно догадывался, откуда у Мун Нагиля такая, – и глухо кашлял. Недобрый знак. Всё в их положении было недобрый знаком, надо признать, но появление дракона в самое светлое время дня у стены с имперскими стражниками походило на отвратительное развитие событий.

Не такого Дэкван ждал от встречи с генералом. Не к таким неожиданностям готовился.

– *Ёнгданте*, – позвал он, когда вернулись его люди: Дэкван приказал убрать со стены всех свидетелей, пока они не донесли о появлении Великого Зверя в столицу, но полагал, что кого-то они могли упустить.

²⁶ Дракон (*китайск.*).

Генералу принесли воды и еды, но к ним он не притронулся. И по сторонам не смотрел, и на слова Дэквана не реагировал. Подобное случалось с ним и прежде, когда он вернулся в лагерь после тайного ритуала с живой сыта-голь, когда впервые обратился белым драконом, когда становился человеком после долгих дней в теле Дракона.

Чжихо предупредил, что Великий Зверь будет отбирать у генерала всё больше его Ци, всё больше времени, мыслей. Будет отбирать душу кусок за куском, если генерал не прекратит кормить чудовище собой. Кем бы он ни был, сильнейший защитник страны, он оставался существом другого мира, не человеческого.

Недаром люди, что были его сосудом, умирали не своей смертью, умирали раньше отведённого срока.

– Генерал, я помогу, если позволите, – позвал Дэкван снова и, не услышав негодования, обычно следовавшего за подобными предложениями, дал знак Кантэ и Гвануку. Те подхватили *ёнгданте* под руки и потянули его на освобождённую сторожевую башню.

Онемевшего от ужаса пленника привели с остальными, трупы Дэкван велел спустить вниз и похоронить.

– Земля же замёрзла! – воскликнул Кантэ, которого внезапное появление генерала вывело из равновесия. «Устал, а швыряется эмоциями во все стороны», – поморщился Дэкван, улавливая его настрой.

– Прояви уважение к покойным и отдай дань их предкам, Кантэ.

Тон *тырсэггарра* охладил пыл воина, и тот поклонился и выскочил из сторожевой башни исполнять приказ первым.

Война войной, но относиться с пренебрежением к врагу Дэкван своих людей не учил.

Генерала усадили к очагу, горящему в центре внутренней комнаты – под крупными башнями в Великой стене скрывались склады, обжитые помещения. Похоже, им во временное пристанище досталась одна из них. Дэкван осмотрелся, подмечая внимательным взглядом восстановленную чьей-то умелой рукой каменную кладку в западной стене комнаты, чуть подкопчённый потолок с выходящим наружу дымоходом. Здесь явно жили. Кто-то из тех стражников, которых убили Гванук и Минхи? Все вместе? Дэкван раздумывал, как долго они смогут оставаться здесь, не привлекая внимания остальных воинов Империи, пока генерал приходил в себя после приступа.

Тот дышал свободнее и больше не хрипел с переходящим в рык бульканьем в груди. Дэкван подставил к сухим губам *ёнгданте* кувшин с водой, и тот, наконец, его принял.

– *Кэмун пои?* – спросил Дэкван первым делом, когда генерал открыл глаза, уставившись на него осмысленным взглядом.

– Имуги, – коротко выдохнул он. *Мер’тонъ*. – Связь между ним и Драконом теперь сильнее.

– Но сыта-голь...

– Не думаю, что она в опасности. Я отдал ей большую часть сил, поскольку уже потянул на себя достаточно.

Дэкван нахмурился, силясь понять сбивчивую речь генерала. Тот говорил о вещах, Дэквану недоступных, даже если он мог видеть в потоках Ци больше других Когтей Дракона. Разобраться в этом генерал не дал: сразу же придавил другим вопросом.

– Вы далеко продвинулись, – сказал он. – Восточная застава... Я искал вас у стены раньше.

– Шли так быстро, как могли, – кивнул Дэкван.

– Хотя я опоздал на несколько дней.

Дэкван не смутился, сразу же отрезал:

– Приказ есть приказ, генерал. Я бы доставил пленника в Пекин с вашей помощью или без, мы об этом условились на перевале дней десять назад.

Генерал хрипло выдохнул, закашлялся. Засмеялся, похоже, горьким, бесцветным каким-то смехом.

– *Отальбо*²⁷, – отругал он. – Знаешь же сам, что вас бы там казнили без меня.

– Нас и с вами могут казнить, – отрезал Дэкван. Генерал покосился на него и побледнел ещё больше.

– Теперь уж наверняка... Тянуть не буду, ситуация у нас скверная и во всех смыслах смертельно опасная. Пять дней назад мы...

Договорить он не успел, не смог: вдруг охнул, согнувшись, прижимая влажную от пота руку к груди.

– Генерал!

Кожа у него вмиг покрылась чешуей, шея побагровела с одной стороны и побелела с другой, глаза наполнились кровью. Дэкван схватил генерала за плечи, пытаясь успокоить – того трясло, скрежетали сомкнутые до крови длинные зубы, пронзающие острыми клыками губы.

– Гванук! Минхи! – позвал Дэкван, не отнимая рук от тела генерала. Такие приступы случались и прежде, Дэкван сам становился им свидетелем, но помочь был способен только в одном: вывести *ёнгданте* под открытое небо, в холод, окунуть в снег, не давая жару распространиться по всему телу. Наступала ночь, время стихии Металла прошло, и наступала пора стихии Дерева. Это она накаляла внутренности генерала и в плохие дни мешала дышать.

Но прежде чем Гванук и Минхи явились, чтобы прийти на помощь, Дэкван почувствовал, как под ладонями в том месте, где его пальцы стискивали плечо генерала, ползет его кожа вместе с чешуёй.

Нет, это был не обычный приступ драконьей лихорадки. С *ёнгданте* слезала чешуя, самая прочная защита Дракона. Белые и красные пластины размером с ноготь остались на пальцах и ладонях Дэквана, когда он отнял руку.

Это было *неправильно*. *Мер'тонъ*, невозможно!

²⁷ Дурак, идиот (*драконий язык*).

6

Если Великий Зверь теряет кожу, он перерождается или умирает?..

Дэкван уже задавался вопросом, как долго сможет продержаться генерал, если будет растрачивать себя на Дракона. Но все подобные мысли были мимолётными, почти несерьёзными: разговор по душам у костра поздней ночью, отголосок тревоги в вопросе, заданном *хёну* Чжихо.

Сейчас, когда Дэкван смотрел на сползающую с тела генерала драконью чешую, страх за жизнь *ёнгданте* стал настолько осязаемым, что заполнил собой всё пространство комнаты и давил на стены. Те в самом деле тряслись, камни трескались и осыпался низкий потолок над головой.

– *Ёнгданте!* – воскликнул Дэкван, кидаясь к генералу снова. Его выгнуло, глаза распахнулись – потемнели, просветлели, зрачок расширился. Мун Нагиля кидало по всему Великому Циклу стихий, от металла до дерева, от дерева до земли, от земли до воды.

Дэкван не знал, чем помочь и что сделать, чтобы остановить страшный внезапный приступ, и, более того, не понимал, что его вызвало.

Когда спустились Минхи и Гванук, Дэкван дал отмашку: уведите из башни людей, выведите пленника наружу. Кажется, спасти теперь нужно не *ёнгданте*, а воинов, что и понятия не имеют, какая сила сидит в теле их генерала.

Тот захрипел, зарычал и дёрнулся, ударившись спиной в стену – содрогнулась вся сторожевая башня. Если бы Мун Нагиль был в сознании, если бы был сейчас человеком, он бы приказал и Дэквану покинуть башню. Но Дэкван остался, вопреки голосу разума.

Когда-то давно мастер научил его вкладывать свою Ци в замах меча, продолжать им лезвие своего оружия. Это опасная, смертоносная техника, говорил он, обращаться с которой нужно осторожно и с умом. Не зная меры, можно убить не врага, а себя. Вытянуть из собственного тела всё Ци без остатка, как воду из колодца, которой дурак хочет наполнить море.

Ву-вонг, ву-чу. Помни о своей Ци или помоги ее росту. Это было первое правило, которому и Дэкван учил своих воинов.

Он дождался, когда генерал, обессилив, осядет на пол между приступами лихорадки, и устроился напротив него, скрестив ноги. Если *ёнгданте* не может защитить себя сам и отдаёт неизвестности свою силу, Дэкван поможет ему.

Позже генерал накажет его за своеволие, разумеется.

Дэкван вдохнул дымный, пропитанный пылью и гарью воздух, с трудом не закашлявшись, и протянул к генералу руку. Вместе с рукой к нему потянулась Ци Дэквана. Светлая, сильная, напитанная его лучшими помыслами. Дурная дорога по чужой земле измотала его физическое тело, но долгие годы тренировок помогли не растратить другие силы, которые теперь Дэкван направлял в генерала.

«Это временная мера, – напряжённо думал он, отмечая, что *ёнгданте* становится лучше, – заплата на гнойную рану, тут нужен лекарь».

Чжихо сказал бы, что всё дело в двух стихиях, разрывающих тело генерала. Стоило бы прислушиваться к хёну, но *ёнгданте* был упрям и до зубного скрежета самоотвержен. Как и все в его войске.

Но что, если... Дэкван бросил короткий взгляд на горящий в очаге костер. Если сейчас не привязать к *ёнгданте* человека с сильным Ци, которая питала бы его, как долго он протянет?..

Рядом не было Чжихо, который мог образумить Дэквана. Не было Чунсока, который всегда хотел стать генералу не только другом и верным помощником, но и защитником. Не было Гаин, которая заставила бы подумать дважды.

Генерала бросило от стены на пол, на потной спине проступили очертания драконьего хребта, лопнула кожа. Содрогнулась каменная кладка древней башни, пошла трещиной вверх до самого потолка.

Генерал умрёт раньше, чем закончится проклятая война, невесело подумал Дэкван. И если это случится, Чосон падёт.

Нагиль очнулся резко, будто его выдернули из жерла вулкана, обдали холодным воздухом и снова окунули в лаву. Тело горело, плавилась кожа. Он рвано вздохнул, чувствуя, как стягивает болью грудь, – словно в него вцепились когти Дракона и разорвали, пока он был без сознания, скрутили в узел сердце и лёгкие. Дышалось тяжело, через силу.

– Мы не нашли никаких знаковых поблизости, – раздался голос Дэквана, глухой, далёкий. – Но я могу предложить вам воду, *ёнгданте*.

Нагиль с трудом разомкнул слипшиеся губы, будто порвал их, тронул языком сухой с пылью воздух. Открыл глаза, боясь, что ослеп. Размытые очертания стягивались в ореоле оранжевого света в силуэты Дэквана и его людей на фоне тёмного неба с росчерком звёзд. Ветер задувал сквозь расколотую надвое сторожевую башню Великой стены.

– Ещё один такой приступ, и он развалит Стену, – шепнул кто-то из воинов с той стороны, куда Нагиль не мог повернуть голову. Дэкван дёрнул губой, и голоса стихли.

– Что? – Нагиль откашлялся, попытался сесть. – Что произошло?

Его Третий Коготь, немногословный мастер мечей, обыкновенно не скрывающий ни мыслей, ни чувств, опустил голову и не ответил сразу.

– Дэкван, – хрипло позвал Нагиль, вкладывая в голос нетерпение. Он сипел, тело его не слушалось, будто только обрело силу Дракона Металла, будто только стало вместительным двух ипостасей Великого Зверя. – Дэкван? *Малар* ²⁸.

Тот махнул рукой, и его воины, зашептавшись, скрылись из поля зрения Нагиля. Сесть он не мог, не было сил, и смотрел на Дэквана снизу вверх, едва хмурясь.

– У вас был приступ, – начал *тырсэгарра*, подбирая слова, такого раньше с ним не случилось. – Лихорадка, болезнь, *номверу* ²⁹. С вас чешуя слезала, словно со змея, меняющего кожу.

Нагиль прислушался к себе и понял, что кроме слабости мышц и ломоты в костях его беспокоит ещё кое-что. *Отсутствие* голосов. Дракон молчал, будто сгинул, упокоился на дне его дань-тяна, укрылся так глубоко, что почти не ощущался в теле. Такого никогда не бывало прежде – и потому пугало сильнее неспособности двигаться и говорить внятно.

– Не понимаю, – выдавил Нагиль, слова с трудом поднимались вверх по горлу и выплевывались с густой солёной слюной. Его ранили? Откуда кровь?..

– Я тоже, *ёнгданте*, – серьёзно кивнул Дэкван и протянул воду в походной миске снова. Нагиль припал к глиняному краю, сделал несколько глотков талой воды. – Вам бы выпить травы

²⁸ Говори (*драконий язык*).

²⁹ Не знаю (*драконий язык*).

Чжихо или настой от Лан. Но тут нет ни трав, ни шаманки, и я больше ничего не могу для вас сделать, генерал.

– Тебе и не нужно, – отрезал Нагиль, злясь на Дракона за неизвестность, в которой тот его оставил. – Это не твоя вина, что я...

– Я и не беру её на себя, – возразил Дэкван быстро. – Но вам нехорошо, генерал. И моя задача вернуть вас в строй, пока не случилось страшное.

– Пока я не умер?

Вопрос повис в воздухе. Дэкван нахмурился и кивнул: должно быть, раздумывал над этим всю долгую ночь. Открытое небо над головой, в расколотой башне, светлело: занимался рассвет.

– И пока нас не поймали люди Империи, как изменников, – добавил *тырсэгарра*. – И пока не поняли, что мы – что вы, *ёнгданте*, – разрушили древнюю святыню, которой в чужой нам стране поклонялись, как мы поклоняемся храмам стихий.

Мер'тонъ. Этого Нагиль боялся больше всего в моменты, когда терял разум в теле Великого Зверя: что тот, ощутив свободу от оков человеческого сознания, вырвется из тела Нагиля чудовищем, которым его считают, и сожжёт города, как уже бывало, и разрушит дворцы, как уже случалось, и обречёт на страшную смерть людей, своих и чужих.

Как уже делал прежде.

– Это Дракон? – спросил Нагиль, ткнув в небо слабой рукой. – Сломал тысячелетнюю Великую стену?

– Только сторожевую башню, – ответил Дэкван. – Людей здесь уже не было, но, думается мне, сюда придут сегодня же и найдут мёртвых у подножия стены. И остатки восточной заставы, которую те охраняли.

– Значит, надо уходить. Возвратиться назад, в Чосон, пока не поздно.

Дэкван вздохнул и вновь опустил голову. То ли не мог, то ли не хотел смотреть на Нагиля. Дракон молчал, остывший, ослабленный после приступа, о котором Нагиль почти ничего не помнил, но, если бы Великий Зверь мог говорить, он бы сказал: «Слабый ты человек, Мун Нагиль. Дракон Дерева не помог тебе обрести силу, Дракон Металла не спас от разрушений. Все твои решения привели к такому исходу – ты теряешь людей и их доверие. Третий Коготь не верит, что ты защитишь Чосон. Ты и не сможешь этого сделать, сгинешь, как твой учитель».

Все его решения ведут к смерти. Нагиль зажмурился, резко втянул носом воздух, напитанный потом и гарью из уцелевших очагов башни, и сел, преодолевая боль в теле.

– Генерал! – воскликнул Дэкван, потянувшись к нему. Нагиль дёрнул плечом, вырываясь из его цепких пальцев. Вставай, слабый человек. Вставай и веди за собой людей, пока те не стали мишенью огромной Империи.

– Надо уходить, – прохрипел он. – Сейчас же.

Тырсэгарра, выполняющий его приказы без сомнений и лишних вопросов, вдруг встал, загораживая собой обвалившийся проход на Стену.

– Сперва поешьте, генерал, – отрезал он твёрдо. – Наберитесь сил. У вас была трудная ночь.

Нагиль хотел рывкнуть, но не сумел – и сел обратно на обломок стены, где очнулся. Старые камни впитали дар его тела и до сих пор не остыли, в трещинах блестело что-то светлое, небольшое, и, присмотревшись, Нагиль понял, что именно.

Драконова чешуя размером с ноготь и палец. Белая, принадлежащая Дракону Металла.

– Я знаю, что со мной, – сказал Нагиль медленно, когда поднял навстречу дребезжащему рассветному сиянию чешую Великого Зверя. – Сон Йонг обернулась имуги и вытянула из меня Ци металла.

Дэкван побледнел.

– Если она сделает это снова, *ёнгданте*...

– Она не сделает, – отрезал Нагиль. Не сделает, *не сумеет*. В ней теперь тоже сил осталось немного, она отдала их обращению. Проклятый змей утихнет в её теле и не потревожит ещё долгое время. – Сейчас мы оба с ней беззащитны.

Дэкван вполголоса выругался, тут же извинился и снова выругался. Нагиль понимал его и не винил за сквернословие: *тырсэгарра* редко позволял себе подобную вольность.

– Тогда вас нужно обезопасить, генерал, – сказал он, когда задумчивое молчание между ними натянулось тугой тетивой.

– Нет никакого способа...

– Сделайте меня Хранителем.

Чешуя выпала из рук Нагиля. Он поднял глаза на Дэквана – тот говорил серьёзно.

– Ты знаешь, что я не могу позволить кому бы то ни было...

Дэкван снова его перебил:

– Я не предлагаю вам убивать меня в угоду Великому Зверю.

– Ты отдаёшь свою жизнь Дракону, это одно и то же! – взорвался Нагиль. Дэкван смотрел на него в упор, почти не мигая, и выглядел злее, чем Нагиль его когда-либо видел. Упрямый мечник! Он всегда был таким, с тех пор как Нагиль нашёл его в горящем Чосоне и увёл за собой, обещая, что никогда не отдаст ему приказ, наступающий на горло его чести и гордости.

Дэкван прекрасно знал, что значит быть Хранителем Дракона. Все в войске Нагиля знали. Хранитель становился связующим звеном между Драконом и человеком, сосудом для Ци, не вмещающейся в теле одного человека. У каждого перерождения Великого Зверя был его человек и его Хранитель, вместе они поддерживали гармонию в Чосоне, вместе оберегали страну от невзгод. В мирное время Дракон и Хранитель старели вместе и умирали вместе, передавая наследие новому поколению.

В годы войны Дракон мог вытянуть из Хранителя всю Ци до последней капли, защищая Чосон.

– Я могу прожить без Хранителя, – почти зарычал Нагиль. – Но Хранитель без Дракона умрёт, тебе ли не знать!

– Генерал.

– Если я умру, то ты тоже. Хочешь жить на привязи Великого Зверя, как бурдюк с водой при усталом путнике? Дракон высушит тебя, уничтожит, если ослабнет, мы даже тело твоё не найдём, чтобы похоронить, – ты этого хочешь?

Дэкван поджал губы. Упрямец, упёртый дурак. Спорить не было сил, Нагиль просто махнул рукой, прекращая бессмысленный разговор между ними.

– Не стану я подвергать тебя ещё большей опасности, мы и так можем умереть в любой момент от случайной стрелы в спину. Не делай меня чудовищем ещё больше.

Дэкван не двигался, и Нагиль оттолкнул его одной рукой, направляясь к выходу. Они никогда не заговорят об этом снова, чтобы не соблазнять *тырсэгарра* на опрометчивые поступки.

– Генерал, – позвал Дэкван, когда Нагиль уже ступил на ступень, покрытую серым снегом и каменным крошевом. – Если вы погибнете, Чосон останется без защиты. Ваша жизнь важнее моей.

Нагиль замер. Не глядя, нашёл рукой выступ в стене, потянулся и схватил его влажными от лихорадочного пота пальцами. Тело не слушалось, было тяжёлым и медлительным, будто весило три мешка золота. Нагиль медленно повернулся, поднял глаза на Дэквана, стоящего посреди обломков разрушенной башни.

В нём было столько злости, что та не помещалась в теле, и Дэкван прекрасно её чувствовал.

– Не такие мысли я вбивал в твою дурную голову, – резко выдохнул Нагиль и царапнул ногтями стену, с той посыпалась под ноги пыль. – Сколько раз я просил тебя думать о себе в первую очередь, а потом уже о...

– Вы говорите одно, но делаете другое, – отбрил Дэкван. – А ваш пример заразителен, генерал.

Нагиль дёрнулся, словно его ударили. Прислонился спиной к стене, чувствуя, как слабое тело с трудом ему подчиняется. Дэкван был прав. Драконова оспа, его внимательный, покорный Третий Коготь был прав и впервые настаивал на деле, от которого выгоды не получит. Ни он, ни его воины, которых он обучает уже несколько лет под своим строгим началом. Только Дракон обретёт ещё силу, и питать она будет Великого Зверя, отнимая Ци у безвинной жертвы.

Как ошибались короли всех стран, что пытались приручить Дракона. Владеть им нельзя, ему можно только подчиняться. Стань его верным рабом, и он подарит тебе силу. Откажись от неё – и навсегда останешься врагом народа, как Рэвон. То, что хён выжил после неудачного ритуала, после того как Дракон отвернулся от него, было чудом.

Нагиль прикрыл глаза, гоня от себя мысли о старшем брате. За ними нитью тянулись воспоминания о последнем дне, когда он видел его рядом с Сон Йонг. Тревога за неё обрела ещё одну опору и давила на плечи хуже ответственности за Чосон.

– Вам не справиться без меня, *ёнгданте*, – будто понимая чувства Нагиля, настаивал Дэкван. Его голос звучал глухо, как из-под толщи воды: это была в ушах кровь. – Если погибнет Хранитель, Дракон не умрёт.

– Но если убьют Дракона, Хранитель уйдёт в мир иной за ним следом. Это...

– Риск, на который мы можем пойти, генерал, – прервал Дэкван. И добавил с нажимом: – Мы оба можем.

Перед глазами стояло залитое слезами и кровью лицо Сон Йонг. Проклятье. Нагиль обещал ей вернуться живым, ещё обещал, что не погибнет на этой ужасной войне и выживет и что проживёт с ней, покинувшей родной мир ради него, до старости.

Проклятье.

– Поговорим об этом по дороге домой, – сурово сказал Нагиль. Времени на раздумья у Дэквана хватит с лихвой, чтобы он передумал и забрал у своего глупого генерала жалкую надежду получить чуть больше, чем ему было положено.

Но у судьбы были другие планы, и крики воинов, которых послала Империя на защиту Восточной заставы, раздались прежде, чем Дэкван успел возразить Нагилю.

– Оставайтесь здесь, генерал, – велел *тырсэгарра*. – Сейчас вы беззащитны, и моя задача – спасти вас, – и первым выбежал в проход, чтобы встать рядом со своими людьми.

Играть в героя не было смысла: Нагиль и сам понимал, что в данный момент ничем помочь не сможет и единственная верная тактика для него – прятаться в разрушенной башне. Дракон молчал, Лан была мертва и не могла поворчать на упрямого генерала и всучить ему пшеницу и бобы, чтобы Великий Зверь очнулся быстрее. Сейчас Нагиль мог только надеяться на небольшой отряд воинов дракона.

Дэкван был прав. Дракону нужен Хранитель.

Следы на снегу

7

Храм Воды, Чосон, десятый день 1593 года, год Водяной Змеи

Мастер Гванджун, к которому Йонг ходила на занятия тайцзи в родном мире, учил, что Ци, энергию, можно понимать по-разному.

– Есть три уровня Ци, – говорил он. – Энергия вселенной, субстанция, которая дала жизнь всему в мире. Энергия человеческого тела, которая наполняет каждого из нас. И энергия воли и разума, которые способны сотворить невозможное, когда силы тела уже иссякли.

Дэкван, который учил Йонг владеть мечом, объяснял, что баланс Ци важно соблюдать: её не должно быть мало, её не должно быть много.

– Форму определяет сила Ли, – повторял он, – но жизнь даёт энергия Ци. Если она находится в гармонии, тогда госпоже не страшны никакие болезни. Беды обойдут стороной тело и разум, если её Ци будет правильно циркулировать в нём. Движение в гармонии есть жизнь. Недостаток есть смерть.

Потом он добавлял длинную фразу на *гуаньхуа*, языке чиновников Империи, в котором Йонг угадывала мандаринский, кажется. Фразу ей перевёл Чунсок в один из вечеров: «Туда, где находятся защитные силы, не проникает вызывающее болезнь нарушение».

– У любой Ци есть предел, будь она энергией вселенной, тела физического или духовного. Недостаток её ведёт к болезням тела. Впрочем, – добавлял Дэкван, когда видел, как мёрзнет от силы имуги земля под ногами Йонг, – пресыщение Ци тоже ведёт к болезням. Важно поддерживать её в гармонии, сыта-голь.

Когда Йонг пришла в себя, то первым, о чём она подумала, были слова Дэkvана. Всё, чему её учили многочисленные учителя этого и прошлого мира, она проигнорировала ради утоления жажды мести. Оставалось надеяться, что хотя бы те, кто стоял за воинами Империи, задумаются, стоит ли нападать на Йонг и её людей снова.

– Очнулась наконец? – раздался прямо над головой голос Рэвона, и Йонг поморщилась. Каждый звук вгрызался в мозг, словно десятки ножей, и проворачивался там до острой ноющей боли, пронизывающей всё тело.

Йонг с трудом разлепила веки – свет ударил по глазам, она снова зажмурилась. Кажется, болели даже ногти и зубы, *особенно* зубы, и суставы ног.

– Где я?

– Там же, где и все мы, – ворчливо отозвался Рэвон. – Посреди нигде в той бездне, куда мы попали по твоей милости.

Если бы могла, Йонг закатила бы глаза. Но вместо этого ей пришлось вспоминать слова.

– Мне ни о чём не говорит твоё ворчание, сонбэ. Что слышу...

– Мы в храме Воды. Прячемся, как собаки, потому что... – Рэвон вздохнул, чтобы добавить уже громче и резче: – Ты разрушила вековую крепость, Сон Йонг!

Где-то рядом заржала от испуга лошадь, в оглушённую тишину, окружавшую Йонг, ворвались посторонние звуки: голоса многих людей, крики на незнакомом ей языке, скрежет камня о сталь – похоже, Хаджун точил меч...

– Ты обернулась змеей и разрушила стены крепости, – звучал поверх внешнего шума голос Рэвон, – убила людей Империи и тюремную стражу, никого не пощадила!

Йонг помнила только, как распахнулись ворота крепости, впуская во внутренний двор воинов Императора, посланных по её голову. Помнила, что вела разговор с командиром отряда – недолгий, должно быть, и несостоятельный, раз Рэвон говорит, что после она всех убила. Йонг покатала в сознании эту мысль, как бусину, и поняла, что та не отзывается в ней страхом.

Святые духи, почему это беспокоит её не так сильно, как прежде? Имуги, коварный змей, обещал Йонг, что со временем смерть перестанет пугать так, как пугала во время первых убийств. То были враги, чужие люди, пришедшие, чтобы убить её. Японцы, которых она научилась ненавидеть за беды всего чосонского народа. Йонг защищалась. Но и теперь она защищала себя и своих людей. Разве нет?..

Имуги молчал, словно сгинул совсем, и ответить не мог. В любом другом случае он стал бы сопротивляться обвинениям, шипел бы, что действовал, спасая Йонг, контролировал её тело, защищая её людей и Ким Рэвона. Сейчас отвечать за него пришлось самой.

– Нас бы убили, не обратись я имуги, – сказала Йонг. Слабое утешение топилося жаром стыда, и едва Йонг открыла глаза, чтобы вновь посмотреть на сонбэ, тот запыхал вдвое сильнее. Рэвон смотрел на неё как на зверя: недоверчиво, испуганно даже. – Сонбэ?

– Ты вся обратилась змеем, Сон Йонг. Твоё тело покрылось чешуёй, у тебя хвост вырос! И ты... Зачем ты поддалась его влиянию? Знаешь же, что имуги опасен для тебя и для окружающих!

Йонг лежала на полу, кажется. Под спиной было тонкое покрывало и шершавые деревянные доски, высоко над головой – худая крыша, поддерживаемая пыльными балками. Точно ли храм Воды? Йонг помнила его по прошлому визиту, теперь обстановка казалась еще мрачнее. Почему они здесь?

– Поешь и выходи, – сдавшись, вздохнул сонбэ. – Твои иноземцы состряпали какую-то похлёбку, который день ею животы заливаем. Пресно, но сытно.

Её иноземцы?

Рэвон встал с пола и пошагал к выходу – сквозь дверь дома проскальзывали внутрь яркие лучи белого зимнего дня, в полосах света танцевала пыль. Было холодно. Йонг прислушалась

к себе: она не мёрзла, хотя её тело облепляли остатки тёплой ханьфу и порванный широкий платок. Значит, Ци имуги осталась при ней.

– Мы задерживаемся на несколько дней, – подал голос Рэвон от двери, которую уже открыл, впуская в дом шум с территории храма: звонкие голоса, скрип снега под ногами, ржание лошадей. – Если сможешь идти сама, ускоримся. Не сможешь – посадим тебя в телегу и повезём с вещами, как груз.

Он хмыкнул, окинул Йонг усталым взглядом и вышел, оставляя её наедине с вопросами без ответов. Как долго она спала? Как далеко они продвинулись на юг – и едут ли они на юг, в столицу?

Йонг тихо выругалась и села, едва не задев ногой миску с похлёбкой. Кто додумался положить её прямо на пол в этом духами забытом месте? Есть не хотелось, но она заставила себя выпить половину порции. И правда, пресно.

Тело было ватным, руки и ноги – тяжёлыми. Йонг с трудом встала и осмотрелась. Старое заброшенное строение словно еще больше осунулось, жилой храмовый дом, в котором она не побывала в прошлый свой визит, судя по прохудившейся крыше и рассохшимся доскам, никто не посещал ещё с периода царствования короля Седжона. Йонг невольно сравнила своё положение с тем, в котором оказалась, когда впервые попала в не-Чосон. Тогда она тоже не осознавала, что находится в храме стихий, не понимала слов, которыми перебрасываются люди снаружи, и думала о доме.

Проскользнула в сознании мысль о западном крыле дворца в Хансоне, о комнатах генерала драконьего войска и о тепле его рук. Проклятье, прошло чуть больше недели с того дня, когда они виделись в последний раз, а Йонг уже чувствует тоску такой силы, что хочется выть и лезть на стены.

Из подсознания выплыл неожиданный образ: Йонг ползёт к арке надвратной башни – длинный змеиный хвост помогает ей карабкаться вверх, цепляясь за каменные выступы в стене, – падает всем тяжёлым телом в комнату, которую делила с Харин, а после... Ощущение заливающей рот крови было таким реальным, что Йонг закашлялась, прижимая руки к дрожащим губам. Снова заныли зубы.

Она в самом деле загрызла людей? Она помнила, как плоть рвётся под острыми змеиными клыками, как от убитого пахнет потом, болью и страхом – и осознанием скорой мучительной смерти, что вливается в горло змеи-Йонг вместе с кровью.

Великий Лазурный Дракон, скольких людей она убила подобным образом? Как много погибло от когтей и зубов имуги? Если бы тот мог говорить в Йонг сейчас, он бы заметил, что погибли они из-за своей глупости. «Они заслужили». «Они предали нас». Но Йонг была человеком и не позволяла себе так думать. *Раньше* не позволяла.

Отсутствие змея чувствовалось так остро, тишина сдавливала каждую мысль, прессовала её под тревогой, так что на поверхности оставались только самые яркие эмоции: страх от незнания и чувство опустошения.

– Хватит бояться, Сон Йонг, – отругала Йонг себя и вскинула голову. Тошнота, последовавшая за её воспоминаниями в настоящее, подступила к горлу, пришлось замереть и ждать, когда бахвальство победит страх. Ты сама всё сотворила. Тебе и расхлебывать.

Она поджала губы, глубоко вздохнула и вышла из заброшенного дома на улицу, под яркий солнечный свет. Сквозь белый снег перед глазами проступили силуэты людей: Рэвон отдавал приказы нескольким иноземцам, одетым в зимние плащи воинов Империи, Хаджун осматривал лошадей, где-то недалеко ходила Харин, кажется. Посреди широкого двора храма Воды Йонг окружали гружёные телеги с припасами и запряжённые кони. Откуда это всё?..

– Где вы достали лошадей и еду? – первым делом спросила Йонг. – И, святые духи, оружие?

В телегах были ржавые мечи и кольчуги, вилы, кочерги, какие-то тряпки, мешки с рисом. Команда, выросшая для Йонг в одно мгновение из трех человек до небольшого отряда, способного стать новой Чешуёй³⁰ драконьего войска, грузила провизию, перебрасывалась фразами на *ёнглинг*, смешанном с португальским... Вела себя так, словно работает в таком составе не первый день.

Иноземцы, бывшие узники безымянной тюрьмы, вскинули головы. Кто-то смотрел на Йонг равнодушно, кто-то, чье лицо она смутно помнила по ночи, проведенной в стенах крепости, радушно ей закивал, даже поклонился. Что происходит?..

– Сыта-голь! – позвал Хаджун радостным голосом и в два шага оказался рядом с растерянной Йонг. – Вы долго спали.

– Как долго?

– Пять дней, – ответил неожиданно возникший за спиной Рэвон. Он махнул рукой на воина, и тот, ступавший, отошел в сторону. Ему тут же нашли работу: кто-то из иноземцев протянул Хаджуну обломок копья, который он понес к другим пожиткам в одной из трех телег.

– Ты приказываешь *моему* человеку? – нахмурилась Йонг. Рэвон смотрел на нее сверху вниз и кривил губы в недовольной, почти злой гримасе. – Как ты можешь, Хаджун тебе не подчиняется, он...

– Делает, что я говорю, уже пятые сутки, – оборвал сонбэ. – С тех пор, как одна упрямая госпожа из Священного Города уснула после разрушения целой крепости, мне пришлось в одиночку решать, что делать с твоим человеком и всеми этими, – он махнул рукой в сторону иноземцев, – людьми. И знаешь что? Если бы не твои выходки, мы бы не попали в такую ситуацию.

Йонг вскинула голову, впиваясь в сонбэ такими глазами, что, будь она Драконом, смогла бы сжечь его на месте.

– Не надо давить на совесть, Рэвон-сонбэ, – прошипела она. – Я знаю, что натворила, и признаю, как была опрометчива, но вешать на себя все беды не позволю. Ни тебе, ни другим.

– *Неужели?* – выдохнул Рэвон в ответ. – Все эти люди, – он снова кивнул на португальцев, – пошли за тобой, потому что ты пообещала им горы золота, голову короля над воротами Хансона и духи знают что еще! И ты убила всю тюремную стражу!

– Не тебе обвинять меня, сонбэ! – вспыхнула Йонг. – Ты убивал виновных и невинных, на своей и чужой стороне, а те люди, что сторожили безымянную тюрьму, предали нас, сдали Империи! Я не больше тебя сожалею о том, что случилось, но что сделано, то сделано!

Воздух между ними так накалился, что готов был растопить снег под ногами. Рэвон смотрел на Йонг зло – нет, *встревоженно*, словно прямо на глазах она превращалась в чудовище. Йонг вспомнила, что сонбэ звал её, пока она разрушала казарменные стены и ползла, точно зверь, по остывающим трупам. Сколько их было, Сон Йонг? Двадцать? Пятьдесят человек?

Так ли важно количество, если убийство как таковое уже свершилось и отнятые жизни теперь не вернуть?..

Был бы Нагиль рядом, сказал бы, что в свершившемся нет вины Йонг? Или смотрел бы на неё так, как глядел теперь сонбэ, боясь найти в её взгляде зверя? У Йонг не нашлось ответов, и страх оказался сильнее её убеждений в собственной правоте.

– Великие Звери, – выдохнула она, опуская голову. Гнев стих так же быстро, как поднялся волной со дна дань-тяна. – Я оправдываюсь, ровно как ты, сонбэ. Это неправильно, я не должна так думать.

– Ну, – протянул Рэвон, вдруг меняя настрой вслед за Сон Йонг, – зато теперь я могу надеяться, что ты будешь понимать меня лучше и не вешать на меня все грехи человечества.

³⁰ Для корейских драконов (как и для китайских) главное число – девятка. Согласно легендам, у них на спине 81 чешуйка. Именно столько воинов в драконьем войске, они делятся на отряды по 9 человек.

Слушавший их разговор Хаджун поморщился и отвернулся, едва понял, что Йонг смотрит в его сторону. Даже если он исполнял приказы Рэвона, доверять ему так и не научился. *Правильно*, думала Йонг, высматривая за припорошёнными снегом высохшими деревьями замерзающий пруд в центре двора. Сейчас Рэвон-сонбэ был на их стороне, но его планы могут смениться, точно ветер.

– Закончим препираться на этот раз, – успокоилась Йонг. – Расскажите, наконец, какой у нас план и откуда у вас все эти вещи.

Пока Рэвон отдавал приказы их небольшому отряду, пока остальные грузили вещи в телегу и запрягали лошадей в путь, Йонг наблюдала за иноземцами. Рэвон объяснялся с ними на дикой смеси *ёнглингъ* и чосонского, они понимали через слово и отвечали будто невпопад. В странных разговорах помогал только тон: Рэвон говорил твёрдо, жёстко, даже если не ругал, а просил о чём-то. В его манере держаться рядом с пусть и не совсем подчинёнными, но людьми, исполняющими указания, Йонг угадывала манеру Нагиля.

Должно быть, младший брат перенял это у старшего. Или старший стремился походить на младшего.

Поняв, что сравнивает их не к месту, осознав, что при мысли о Нагиле сердце сжимается в тисках тоски, Йонг моргнула и пошла к телеге Хаджуна. Тот стоял рядом с двумя португальцами и на пальцах пытался рассказать о дальнейшем пути.

– Сыта-голь! – выдохнул он с облегчением. – Объясните им, что мы не можем тащить на трёх лошадях четыре телеги, тем более через горы!

Йонг взглянула на иноземцев, узнавая в них тех, с кем разговаривала тогда у тюремных камер. Они кутались в зимние плащи воинов Империи, которые попросту стащили с мёртвых тел, но выглядели точно так же, даже грязнее пожалуй. Долгие дни они шли и шли, потая, без возможности где-то помыться, и теперь стекающая с лиц вместе с потом грязь превращала их в замарашек.

– Вы же знаете чосонский, зачем мучаете его? – спросила Йонг, щурясь. Иноземец, что говорил с ней прежде, усмехнулся, в отросшей бороде потерялась его кривая улыбка.

– Ай, *бэла*, зачем выдаёшь нас! Твоя *наморада* ³¹ молчала, а ты... Тц, плохой из тебя шпион выйдет, *бэла*.

Хаджун вспыхнул, покраснел до кончиков ушей.

– Да вы же!.. Вы! – Он повернулся к Йонг, но та, к огромному своему сожалению, не смогла сдержать улыбки, и воин это заметил. – Сыта-голь! Это бесчестно!

– *Дикурэ* ³², *ра* Хаджун, – засмеялась она в голос. – Прости, это в самом деле несправедливо, и я прошу прощения за них.

Хаджун переводил обиженный взгляд с неё на иноземцев, теперь не скрывающих издёвки, и обратно. Потом закатил глаза и выругался.

– Хаджун!

– *Дикурэ*, сыта-голь, – язвительно повторил он вслед за Йонг. – Это ваши люди, разбирайтесь с ними сами.

³¹ Подружка (*португальск.*).

³² Извини (*драконий язык*).

И он зашагал, сердито втапывая снег, к Рэвону. Йонг покачала головой, испытывая невольную, непрошеную радость наполовину со смятением. Теперь всё, что она ощущала, делилось поровну на две равноценные и противоположные эмоции. Радость от того, что всё ещё может смеяться, и неуверенность в том, позволено ли ей это. Убийца и зверь не может испытывать счастья.

– Так что, *бэла*, теперь ты, наконец, поведёшь нас? – спросил иноземец, вырывая Сон Йонг из невесёлых мыслей. Она моргнула.

– Что?

– Почти неделю мы идём под началом вот этого. – Он ткнул в сторону Рэвона. – И ждём, когда ты очнёшься. Вот, ты очнулась. Куда направляемся?

– В столицу Чосона, – лаконично ответила Йонг, понимая, что её затягивают в хитрый разговор, о котором она не просила. Иноземец улыбался и шурился от яркого солнца; и чуть дрожал, похоже. Им стоило бы найти одежду потеплее, а не ржавые мечи и вилы.

– Сэ-э-э, тот *арджилосо*³³, – он снова указал на Рэвона, – тоже так говорит. Только мы-то зачем в столице? Он сказал, мы можем уйти, но мы-то знаем, что ты ведёшь нас к нашему *капитэ*. Ты говорила, что видела его в горах. Где это? Укажи дорогу, и мы уйдём.

Ах, вот оно что. Йонг обернулась, чтобы высмотреть среди телег сонбэ – всё ещё недовольного, сердитого из-за промедления, – и хмыкнула.

– Мы едем в столицу, друг мой, – сказала она, осматривая горизонт, линия которого цеплялась за горный массив и узкой тропой спускалась к югу, куда они и направлялись. – Потому что ваш *капитэ* будет ждать вас в столице.

– Откуда знаешь? – прикусил бороду иноземец. Йонг даже не знала их имён, после пробуждения её хватило только на то, чтобы сосчитать по головам, скольких людей она вывела из тюрьмы. Выходило четырнадцать бывших узников. Должно быть, пять лет назад их было больше. Не мог португальский торговец травами приплыть к берегам Чосона с командой всего из пятнадцати человек.

– Оттуда, – в тон ответила Йонг, – что это я договорилась о месте встречи. Вашего капитана должны были привезти в Хансон.

Храм Воды, Чосон, последняя неделя 1592 года, год Водяного Дракона

Перед тем как отправиться в храм Земли вместе с Лан, Хаджуном и предателем Лю Соджолем, Йонг попросила Ильсу дожидаться Нагиля в храме Воды.

– Если мы не вернёмся через два дня, – говорила она вечером перед расставанием, – отправляйся в пещеры, найди там Юну и Намджу.

– Ты не о них беспокоись, сыта-голь, – заметила Ильсу. Йонг кивнула.

– Скрывать не стану, это так. С тех пор как мы покинули пещеры, мне покоя не даёт их постоялец.

³³ Хитрец (португальск.).

– Тот брюзга? – удивилась Ильсу. – Чем он вам не угодил? Такие люди держат слово, поверь уж.

– Я не о том волнуюсь, – отмела довод Йонг. – Я боюсь, что могу упустить этого человека, а он нам нужен.

Недоумение Ильсу не скрыли даже тени в комнате, которую они делили на троих с Лан той ночью.

– *Мэитренним* не говорит мне всего, но я уже сама догадалась, – пояснила Йонг. – Этот человек нужен нам. Привези его в столицу, если сможешь, и передай мои слова королю: «Ваш дорогой гость построит кобуксон, когда придёт весна».

Ильсу так удивилась, что ахнула в голос, хотя за ней не замечалось таких ярких эмоций. Она смутилась, хмыкнула и поджала губы.

– Он будет в ярости, сыта-голь, ты же понимаешь? Он непохож на того, кто с лёгкостью может пойти на уступки, раз его попросила об этом аж целая мудан Ордена Белого Тигра. Да будь ты самой прекрасной женщиной Чосона, он бы, вероятно, и тогда задумался. Во что ты хочешь его втянуть?

– Сама пока не понимаю, – призналась Йонг. Ильсу посмотрела на неё с немим, но сердитым осуждением. – Знаю, это глупо, но я *чувствую*, что его нужно привезти в столицу.

– Тебе духи твои поведали?

– Может, то были *твои* духи, – поддела лучницу Йонг и передразнила её гримасу. – Ильсу, я понимаю, насколько безумно поступаю. Но, поверь, я чувствую, что этот человек сыграет свою роль в будущем Чосона. Впервые с того момента, как начала учиться у Лан, я чувствую, что правильно толкую знаки вселенной. Приведи этого человека в столицу, удержи его там до моего возвращения, и я докажу тебе, что права.

Ильсу качнула головой, окинула напряжённую фигуру Йонг опасливым взглядом.

– Когда ты говоришь так отчаянно и жадно, даже я вижу, что в тебе живёт имуги. Самоудовольствием будем меряться позже, сыта-голь. Я не доверяю твоим духам, которых видишь и слышишь только ты, но верю тебе. Твой человек окажется в столице не позже первой недели нового года, даю слово.

Йонг выдохнула и с облегчением улыбнулась Дочери. Нет, подумала она, *сестре*. Только бы с ней ничего не случилось, пока Йонг не будет рядом. Только бы она не пострадала, как Вонбин и остальные, кого Йонг уже потеряла на этой проклятой войне.

– Но послушай. – Ильсу подалась вперёд, сокращая расстояние между ними, и всмотрелась в бледное на фоне проскальзывающего в комнату лунного света лицо Сон Йонг. – Как ты уговоришь этого упряма служить нашему королю? Мне казалось, он не хочет связываться с нашей войной, это не его дело.

Йонг снова стыдливо прикрыла щёки, наливающиеся краской.

– Пока не знаю. Эй, я что-то придумаю! *Обещаю*.

Ильсу посерьёзнела, с губ сползла издевательская усмешка.

– Ах, сыта-голь. Пусть змей в тебе и не дорос до Великого Зверя, разбрасываться обещаниями тебе не стоит. Кто знает, когда он потребует ответить за слова, брошенные в запале чувств?

Храм Воды, Чосон, девятый день 1593 года, год Водяной Змеи

Прежде чем покинуть бывший дом, в котором провёл несколько счастливых, в самом деле счастливых лет юности, Рэвон пришёл к незамерзающему пруду с родником на дне. Им двигало простое любопытство – ностальгия никогда не одолевала его в неподходящее время, и здесь он отдавал себе отчёт в том, что действует из желания узнать, насколько изменился храм Воды.

Несколько лет назад Рэвон покидал это место, залитое непрекращающимся три дня ливнем. Теперь его окружал снег и лёд, и заброшенные дома некогда богатого храма, и пыль, и разруха. Храм Воды, горячо любимый его учителем, медленно умирал.

Рэвон заметил склонённую у пруда фигуру Сон Йонг и замер в нерешительности. Весь день она огрызалась и брыкалась, точно обиженный ребёнок, и вела себя так лишь из-за собственной глупости. Знала ведь, как виновата перед всеми людьми – своими и чужими, – знала, что подвергла себя и посторонних опасности всего лишь ради минутного удовольствия, которое испытала во время мести. Рэвону было хорошо знакомо это чувство. И оно не стоило трагических последствий, которые за ним следовали.

– Говорят, энергия храма Воды заключена в этом пруду, – подал он голос. Йонг даже не вздрогнула – должно быть, слышала его шаги, – и медленно повернулась, поднимая голову. Она трогала голой рукой ледяную воду, не морщась. Всё же Ци имуги не давала ей мёрзнуть, хоть в этом хубэ могла быть змею благодарной.

– В сунхё ³⁴, – поправила Сон Йонг внезапно и кивнула на неширокую каменную колонну с отметками уровня воды, что стояла прямо в центре пруда. – Энергия храма Воды держится в сунхё, водомерном камне. Мой *мэштренним* меня научила.

Она опустила голову к пруду снова и прищурилась, в затухающем свете этого дня блеснул в её глазах тонкий белый серп, отголосок Ци металла. Похоже, рядом с водой Йонг чувствовала себя бодрее.

– И ты пытаешься рассмотреть его тут? – спросил Рэвон, цепляясь за возможность разговора, молчаливую. Может быть, Йонг не понимала этого, не видела того, что видел Рэвон, но прямо сейчас у них не было кого-то ближе друг другу. Им следовало бы помириться хотя бы на эти дни путешествия до столицы. А там Рэвон обратится за помощью к новому вану Чосона, и тот будет к нему милостив. Ведь Рэвон привезёт молодому королю дорогого ему человека.

– Вода отнимает силы у Металла, – ответила Йонг.

Рэвон еле остановил себя от того, чтобы закатить глаза. Говорит с ним как с пустоголовым болваном, не знающим основ Великого Цикла. Это Рэвон учился следовать стихиям в вечном кругу жизни и смерти с малых лет, это Рэвон постигал тайны вселенной во времена, когда даже предки Сон Йонг ещё не ходили по землям Лазурного Дракона. Его учил мастер Вонгсун и мастер Го, его учил даже Нагиль – терпению и смирению перед Великими Зверьми. Теперь и хубэ говорила с ним тоном, в котором Рэвон узнавал мудан Ордена Белого Тигра.

³⁴ Водомерный камень, созданный в 1441 году королевским изобретателем Чан Ён Силем по приказу короля Седжона.

– Я знаю, Сон Йонг, – процедил Рэвон. Йонг ничего не ответила, только склонила голову набок, рассматривая недвижимую гладь озера.

– Если там родник, – задумчиво произнесла она, – то супхё, должно быть, установлен рядом...

– В нём нет дна, – устало сказал Рэвон. Йонг подняла голову и посмотрела на него, нахмурившись. – И отметины там, если ты заметишь, неправильные. Этот водомерный камень – не рабочий инструмент, а символ. Сосуд для энергии.

– Как и любой другой предмет в этом мире, – выдохнула Сон Йонг и поднялась с колен. – Лишь бы не пожалеть об этом...

Она вдруг подняла подол рваной ханьфу и шагнула прямо в ледяной пруд. Рэвон схватил её за локоть – тело тоже было ледяным.

– Ты что делаешь, остановись!

– Пусти, сонбэ, – зашипела Йонг. – Мне нужно найти супхё.

– Для каких целей, вонгви заberi твою душу? – прорычал он, не размыкая ладони. Сон Йонг бросила ему гневный взгляд.

– Пока есть возможность, я хочу знать, как артефакт воды влияет на стихию металла внутри меня, – заговорила она быстро. – Масло из храма Огня чуть не убило меня, отравило всё моё тело. Я хочу знать, на что способен супхё в храме Воды, какими ещё способами враг захочет убить меня.

– Ты сошла с ума! – ахнул Рэвон и от шока отпустил локоть Йонг. Она сделала в глубь пруда ещё несколько шагов. – Это не выход, хубэ! Думаешь, сможешь противостоять любой силе, если подготовишься заранее? У тебя ничего не выйдет, оставь!

– В не-Чосон я ведь как-то вернулась, – бросила она через плечо, – подготовилась и вернулась. А теперь каждая тварь вроде Лю Соджоля пытается отравить меня, сделать пешкой в чужой игре.

Она вновь говорила и вела себя так, словно не подчинялась собственному разуму, словно действовала по наитию. Но ведь имуги спал в ней, кто теперь вёл Сон Йонг в пруд?..

Пока Рэвон ошарашенно наблюдал, она дошла до середины водоёма и смело приложила руку к каменной колонне. Пруд был небольшим, монета посреди широкого внутреннего двора, куда постояльцы храма приходили молиться, – и неглубоким. Но воды его никогда не замерзали, и даже в лютую стужу пруд оставался не тронутым льдом. Рэвон не останавливал Йонг теперь, потому что поймал себя на мысли, что ему тоже интересно: раз уж эта глупая женщина решила нарушить все вековые устои священных мест разом, он посмотрит, куда приведёт её безрассудство. Когда-то давно и Рэвон задавался вопросом, что будет с незамерзающим прудом, если из него вытащить священный супхё.

– Ничего не чувствую, – выдохнула Сон Йонг и отняла руку от колонны. – Имуги больше не отвечает мне, и я думаю, что это вода отнимает...

Она не успела договорить: каменная колонна, возраст которой отсчитывал столетия, вдруг треснула ровно посередине, будто в неё ударила молния. Йонг вздрогнула и от неожиданности пошатнулась, падая прямо в воду. Та пошла волнами – и так и замерзла на глазах изумлённого Рэвона.

Святые духи. «Теперь, – подумал Рэвон мрачно, – храм Воды в самом деле умер. Вместе с реликвией, что поддерживала жизнь в этом затерянном месте».

8

Дорога на Хансон, месяц ипчхун ³⁵ 1593 года, год Водяной Змеи

Теперь Йонг боялась, что не сдержит обещание, данное Ильсу будто в прошлой жизни. Она подвела её, не сумев сберечь Юну, она подвела себя, не сумев спасти своего строгого учителя. Оставалось надеяться, что теперь Йонг хотя бы сможет ответить за свои слова лично перед *ирмэ* ³⁶ Ильсу и молодым королём, которому доставляла столько проблем. Сон Йонг, женщина, несущая смерть, везла в столицу иноземный отряд. О том, что её выходки не понравятся никому во дворце, она старалась не думать.

Они ехали по бездорожью, сбивая колёса гружёных телег, и останавливаясь через каждые несколько ли. Рэвон повёл их по восточному тракту мимо всех крупных поселений и городов, куда заглянуть они попросту не успевали – или не хотели, чтобы избежать лишнего внимания, или рассчитывали преодолеть так расстояние до столицы быстрее. Весь их путь занимали поля и степи, нагорья, ещё более труднопроходимые, и замёрзшие ручьи, от которых брали начало реки. Несколько дней они шли вдоль таких безымянных рек, где с одной стороны подпирал лес, а с другой – старые поля, выжженные Драконом во время первой войны с Японией.

Телеги тут застревали, идти приходилось ещё аккуратнее, и иноземцы мёрзли, проваливаясь в снег всё больше. Йонг понимала, что они не приспособились к холоду за эти несколько лет в тюрьме, а их тела отвыкли от долгих походов, и потому теперь смотрела на них с сожалением.

Она выпросила всё у Хаджуна: как иноземцы выбрались из крепости, как нашли груз, старое оружие, телеги и лошадей... Рэвон-сонбэ хранил обет молчания с тех пор, как они с Йонг поругались у пруда в храме Воды. Уйти пришлось быстро, оставив за спиной вопросы без ответов – почему треснул водомерный камень, почему пруд замёрз. Рэвон бросил лишь, что обсуждать тут нечего: Йонг рушит всё, к чему прикасается, и ей стоит держать руки при себе и никуда не лезть. Она винила себя в случившемся и потому с обвинениями не спорила.

Телеги их отряд раздобыл по дороге у потерянных земель – так стали называть территорию, окружающую Хэнджу, которую покинули крестьяне, примкнув либо к войску Империи, либо сместившись южнее, поближе к городам, ещё подчиняющимся Чосону. Ржавые мечи, вилы и копья тоже нашлись где-то в постоянных дворах, хижинах и, кажется, в паре поселений, которые Рэвон приказал обогнуть несколько дней назад.

– Лошадей мы купили, когда поняли, что на себе всё не утащим, – делился Хаджун, поглядывая на активно поддакивающих иноземцев.

Йонг пыталась запомнить каждого, но не привыкшая к европейским чертам лица память путала имена и внешность худых мужчин, они сливались для Йонг в одного неопределённого человека. С небольшим трудом сейчас она узнавала только Перу, самого разговорчивого из них, который в прошлом был штурманом своего капитана, и Коби-руана, которого на самом деле звали чуть иначе. Хаджун не мог выговорить его имя, потому старался не обращаться к нему напрямую.

– На какие деньги купили? У нас ни монеты. – Йонг заподозрила неладное, повернулась к Хаджуну. Тот покраснел. Понятно, ничего они не покупали, а попросту выкрали. – Красть нехорошо, *ра* Хаджун. Тем более в такое время.

– Мы у богачей выкрали, – принялся оправдываться Хаджун, – всех коней из разных домов, чтобы они недостатка не поняли!

³⁵ Период с 4–5 февраля по 19–20 февраля по китайскому календарю.

³⁶ Сестра (*драконий язык*).

– Сэ, бэла, – поддакнули Перу и его приятель, – в страшное время богачи должны делиться с бедняками.

– Да они вас убить могли на месте, – бросила Йонг. – В тревожное время и свои становятся врагами, и добряки превращаются в чудовищ, вам ли не знать.

Иноземцы переглянулись.

– Мы знаем, бэла.

Их тон заставил Йонг поумерить пыл. Она огляделась в поисках Харин, которую не видела с момента пробуждения, хотя избегать друг друга в таком вынужденно тесном обществе было практически невозможно. И всё-таки не заметила её фигуры среди бывших узников безымянной тюрьмы.

– Эй, Хаджун? – позвала Йонг неуверенно. – А Харин...

– Едет в телеге рядом с *бэсиндж*... рядом с Ким Рэвоном. – Хаджун нехотя поправил себя и, не уловив во взгляде Йонг укора, продолжил бодрее: – Она подвернула ногу, когда мы сбегали из конюшен. Ким Рэвон присматривает за ней с тех пор.

Йонг невольно подумала, что Харин осталась в одном из поселений, что встретились отряду по пути к столице, но теперь испытала внезапное облегчение. Харин тоже видит в Сон Йонг опасного зверя и потому не показывается? Или же предпочитает держаться ближе к Рэвону, раз её окружают опасные преступники, которых сыта-голь по своей воле освободила и бросила, когда заснула на несколько дней?

С момента своего пробуждения Йонг заваливала себя одними вопросами и получала лишь малую часть ответов. Ей следовало помириться с сонбэ и узнать из первых уст обо всём, пока пропасть между ними не превратилась в новую вражду. Да, он всё ещё был опасен, и Йонг всё ещё не могла доверять ему, но, как говорил умудрённый опытом *пуримгарра*, своего врага нужно держать в тепле и сытости. Или хотя бы в личной милости.

До столицы ещё несколько дней пути. У Йонг есть время разобраться с собой, сонбэ Рэвоном и прочими тревогами, которые одолевают её сердце. Например, привести в порядок *её людей*, раз уж заботиться о них должен тот, кто их освободил.

– Послушайте, – начала Йонг на вечернем привале. Иноземцы развели костёр и, вооружившись котлами и скудными пятью тушками кроликов, что добыли Рэвон и Хаджун, варили свою похлебку. Йонг подседа к ним, обвела внимательным взглядом. – Вам нужна одежда и сапоги. А завтра, кажется, мы будем недалеко от Анбёна. Что, если...

– Ты хочешь, чтобы нас поймали, Сон Йонг? – подал голос Рэвон. Он присел к общему костру, нахмурился. – Мы не просто так обходим крупные города, нам нельзя попадаться такой толпой на глаза воинам в крупных поселениях.

– Но лошадей вы как-то украли.

– То была вынужденная мера.

– У тебя всё, что удобно, сонбэ, вынужденная мера!

Йонг не хотела злиться и пожалела о сказанном до того, как последний звук вылетел из её рта вместе с паром, но Рэвон помрачнел сразу же. Между ними повисла красноречивая пауза, отравляющая всё легкомысленное настроение, тишина поползла по остальным людям в их отряде.

– Ты *ничего* не понимаешь, хубэ, – процедил Рэвон, – а строишь из себя святую умницу. Сколько бы предупреждений я тебе ни давал, ты хочешь действовать по-своему, лишь бы напекор мне пойти, верно я говорю?

Йонг хотела возразить, но осеклась. Вероятно, он был прав. Она надеялась помириться с ним, чтобы держать поблизости, но злость на него оказалась сильнее, чем Йонг способна была подавить. Рэвон, похоже, понимал всё по её взгляду: Йонг не знала, что к её глазам возвращался белый цвет, металл и лёд снова брали свои права у тела. И потому, должно быть, сонбэ тоже боялся Йонг больше, чем хотел или мог себе позволить.

– Я веду вас безопасной тропой, – сказал он на выдохе, устало. – О ней не знает Империя, что ищет тебя на севере. О ней не знает Япония, что ищет тебя на юге. Сейчас ты и остальные в безопасности, но я не смогу гарантировать те же условия уже через пару суток. Я хочу привести тебя в Хансон невредимой, потому что пообещал брату, но уговор был только о тебе и Хаджуне. И посмотри, кто нас окружает!

Он окинул притихших, греющих уши иноземцев вокруг себя и выругался сквозь зубы.

– Меня не заботят жизни этих чужаков, но я смирился с их присутствием и теперь отвечаю за них тоже. Всё ради тебя.

– Ты хотел сказать «из-за тебя».

– Нет, Сон Йонг-щи, – старое обращение прозвучало издёвкой, – я хотел сказать то, что сказал.

Йонг поджала губы. Из-за того, что её не поддерживал больше имуги, присутствие Рэвона выводило из себя: она злилась, что рядом был сонбэ, а не Нагиль или любой другой человек, которому Йонг привыкла доверять.

Рэвон-сонбэ был прав, и это злило тоже: Сон Йонг была слабой маленькой девочкой, которая ничего не может без змея в груди и генерала драконьего войска за своей спиной. Она может приносить только разрушение, она может обещать только смерть.

– *Очнись* уже, Йонг. – Слова Рэвона вгрызались в шею, точно ядовитые змеиные зубы, разъедали кожу, точно старое масло из факела Феникса. – Столько людей пытается защитить тебя в этом мире, а ты не замечаешь этого. Можешь не верить мне и считать врагом, но я уже очень давно не желаю тебе смерти. И никому, кого ты любишь. И... – Он вздохнул, провёл рукой по лицу, убирая со лба прилипшие грязные волосы. – Это не я убил дочь Императора. В этой войне, если ты не заметила, больше, чем две противоборствующие силы. И у каждой из них своя цель.

Рэвон поднялся, чтобы уйти, оставив Йонг рядом с иноземцами, к которым она начинала проникаться симпатией. Видно, чтобы не доставлять больше беспокойств или чтобы самому не злиться в её присутствии.

– Запомни кое-что, Сон Йонг, – добавил он, роняя слова сверху вниз, прямо на макушку Йонг. Она вскинула голову: Рэвон стоял над ней и говорил серьёзно, но спокойно, будто открывал старую как мир истину. – Чтобы победить в войне, тебе нужно думать как враг и действовать как враг. Так вот, зная своего врага, я могу сказать, что смерть принцессы не была выгодна японской стороне.

Йонг молчала, не сумев подобрать слов для ответа сонбэ. Он поклонился ей и ушёл, словно опускал меч перед противником, к которому не испытывал ненависти.

На перевале, который отряд проходил через пару дней, Йонг стало плохо. Она шла между верным Хаджуном и Перу, спрашивала последнего о его капитане, когда почувствовала недомогание.

– *Капитэ* – хороший человек, – говорил Перу.

– Что же тогда он бросил вас в тюрьме, – скривился Хаджун, которого интерес Йонг к иноземцам раздражал. То ли воин пытался оградить госпожу от опасности, то ли ревновал.

– Это мы спасали *капитэ*, не он нас, – возразил иноземец. – Он поклялся бежать и не возвращаться, пока стены тюрьмы не рухнут. И вот, они рухнули.

– Не благодаря вашему капитану, – продолжал давить уязвлённый Хаджун.

– Не всё ли равно, кто свершил дело? Победа над дьявольской судьбой, вот что главное. Ты мал ещё, чтобы судить о поступках.

Хаджун тихо выругался, хотя Перу был прав: воин был младше тех, кто шёл с ним бок о бок весь непростой путь до столицы.

Йонг старалась держаться от Хаджуна на расстоянии.

«Зря он настаивает», – с огорчением думала она. Хаджун обращался к ней «госпожа», говорил очень формально, считал своим долгом оберегать её от любой опасности, подстерегающей в дороге. Всё, что он делал, пугало Йонг. Не стой так близко к змее, из-за которой гибнут люди.

Хаджун заботился о ней, а Йонг видела в нём Вонбина. После смерти Юны эта рана, не сумевшая зарости за столь короткое время, воспалилась снова и теперь отравляла все мысли и всё тело.

Быть может, поэтому на очередном повороте её бок прострелила резкая боль.

«Только не кровотечение», – подумала она со злостью, цепляясь за рукав иноземца. Тот охнул.

– Ай, *бэла*, что случилось?

– Госпожа? – заволновался Хаджун и подхватил Йонг под локоть. – Что такое?

– Ничего, нормально. – Йонг замотала головой, потом поняла, что её тошнит от недостатка кислорода в воздухе. Их отряд забрался достаточно высоко в горы, чтобы обогнуть крупное поселение на равнине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.